

**Karlova univerzita
Filozofická fakulta
Ústav slavistických a východoevropských studií**

Dordzhieva Julia
(slavistika ve specializaci rusistika)

Syntax infinitivu v ruštině a češtině
(Синтаксис инфинитива в русском и чешском языках)

Diplomová práce

Vedoucí práce: Doc. PhDr. Kamila Chlupáčová
Praha 2007

Čestné prohlášení

“Prohlašuji, že jsem diplomovou práci vypracovala samostatně a že jsem uvedla všechny použité prameny a literaturu.“

V Praze dne 14.05.2007

Оглавление

Введение	4
Глава I. Понятие инфинитива	
I.1. Понятие инфинитива	5
I.2. Компонент модального значения в инфинитивных конструкциях	9
Глава II. Двухкомпонентные инфинитивные предложения в русском языке	
II.1. Общая характеристика	17
II.2. Схема Inf Adj f	23
II.3. Схема Inf Vf	37
II.4. Схема Inf Adv/N2...	50
II.5. Схема Inf N1	53
II.6. Схема Inf Inf	63
Глава III Приобъектный инфинитив	
III.1. Приобъектный инфинитив в русском языке	72
III.2. Приобъектный инфинитив в чешском языке	76
III.3. Сопоставительное сравнение (результаты проведенного эксперимента)	80
Заключение	84
Приложение	87
Библиография	92

Введение

Данная работа посвящена сопоставительному анализу инфинитивных конструкций в русском и чешском языках. **Актуальность настоящего исследования** связана с необходимостью изучения семантики широко распространенных в русском языке и непоследовательно проявляющихся в чешском языке инфинитивных конструкций.

Предметом исследования в данной работе являются двукомпонентные инфинитивные конструкции, их функции и семантика, форма их употребления.

Целью исследования является описание семантики указанных конструкций, установление соответствий чешским конструкциям в русском языке, установление закономерностей выбора конструкций при переводе чешского текста.

Методом исследования является изучение русских конструкций и их переводов на чешский язык с точки зрения их формального и смыслового содержания.

Лексическим материалом исследования послужили произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Этот выбор обосновывается тем, что в произведениях указанного автора представлены как литературный, так и разговорный русский язык двадцатого века; кроме того, творчество М. Булгакова переведено на чешский язык.

В результате исследования была проанализирована семантическая сторона русских инфинитивных конструкций и их эквивалентов в чешском языке. Также были выведены закономерности выбора моделей для перевода предложений с инфинитивом с русского языка на чешский.

Результаты данного исследования могут найти **практическое применение** при решении задач лингвистического обеспечения, в практике преподавания русского языка как иностранного, в переводческой и редакторской деятельности.

Глава I. Понятие инфинитива

Инфинитив принято считать назывной (= «лексически свободной») и исходной, т.е. семантически и морфологически наиболее простой, формой русского глагола (Виноградов 1978:468). Инфинитив имеет меньше грамматических категорий, чем любые другие глагольные формы; в частности, у него нет «предикативных» категорий лица, числа, времени и наклонения (впрочем, формы типа *отдохнуть бы* можно квалифицировать как формы сослагательного наклонения), которые считаются наиболее важными категориями спрягаемых форм. Отсутствие «предикативных» категорий определяет основные синтаксические функции инфинитива в глагольном предложении, где он выступает либо в роли актанта (*Предлагаю вам молчать, глазами не шарить, лучше всего смотрите на свои ботинки.* (А. Н. Толстой)), либо в роли сирконстанта (*Ходили в какой-то ров стрелять и на маленькую речку купаться.* (Антонов)).

В соответствии с общепринятой точкой зрения первичная и основная синтаксическая функция глагола – быть в предложении сказуемым. Эту функцию выполняют финитные (личные) формы, которые принято называть предикативными. Поэтому, как пишет Храковский В. С. (Храковский, Володин, 2001:354), при деривационном подходе инфинитив правомерно трактовать как вторичную (=производную) форму, с помощью которой глагол переводится с предикативной позиции на актантную или сирконстантную.

Таким образом, если с морфологической (статической) точки зрения инфинитив является исходной, или первичной, формой, то с синтаксической (динамической, деривационной) точки зрения инфинитив является производной, или вторичной, формой.

Учитывая семантические и морфологические свойства инфинитива, В. В. Виноградов называл его «глагольным «номинативом»» и подчеркивал, что он может транспонироваться «в область всех четырех наклонений», в том числе и императива (Виноградов 1978:468). В результате транспонирования инфинитив при определенных контекстных условиях начинает выступать в роли сказуемого (т.е. выполнять первичную синтаксическую функцию глагола), замещая

спрягаемые формы разных наклонений. В своей работе В. С. Юрченко пишет: «Инфинитив не входит в систему ядерных частей речи (прилагательное – существительное – финитный глагол – наречие), а входит в ее глагольно-именную подсистему (причастие – инфинитив – финитный глагол – деепричастие). В силу этого инфинитив имеет двойственную глагольно-именную природу: с одной стороны, он связан с *verbum finitum*, а с другой – приближается к существительному». (Юрченко 2005:198).

Как указывает А. М. Пешковский (Пешковский 2001:129), категория эта проявляет «неопределенность» и затруднительна для анализа. По происхождению своему она совершенно «определенна». Это изолированный падеж глагольных существительных женского рода на *-ть, -чь*, потерявших все остальные падежи свои. Мы можем о них судить по нескольким уцелевшим существительным этого рода, как *знать* (теперь уже только в смысле «те, кого знают», «знатные»), *быть* (всякая *быть* создана богом; *бытописание* должно основываться на *бытях* достоверных – из словаря Даля), *чуть* (дай мне самую *чуть*, также в словах *чуть-чуть* и *чуть только*; ср. малорусское *чутти – чують*), *жуть*, *сыть* (в сказках: *что ты, конская сыть, спотыкаешься?*), *стать*, *мочь* (*изо всей мочи, нет мочи, что было мочи, во всю мочь*) и т.д. Исчезновение всех остальных падежей при сохранении глагольных корней, суффиксов и приставок и создало здесь то своеобразное значение, которое нам предстоит рассмотреть.

Современные морфологические теории рассматривают инфинитив как одну из форм в системе глагола. Но принятый синтаксический подход, с точки зрения Золотовой Г. А. (Золотова 2001:253-254), как раз игнорирует глагольность инфинитива, его значение действия.

То общее, что предопределяет параллелизм синтаксического употребления инфинитива и отглагольного имени, так же как инфинитива и личных форм глагола, состоит не в предметности, а в глагольной основе, в семантике действия.

Семантикой инфинитива, как и всякой другой лексико-грамматической категории, обусловлена вся его синтаксическая синтагматика. Это проявляется в том, что название действия может вступать только в те синтаксические связи, в какие действие вступает с другими явлениями внеязыкового мира.

Связь действия с деятелем, субъектом является условием самого осуществления действия: предмет существует, действие не существует, а осуществляется лишь как функция действующего субъекта. Действие может быть обращено на предмет, и названия действия вступают в объектные связи с названиями предметов. Действие может быть обращено на предмет, и названия действия вступают в объектные связи с названиями предметов.

Отличие инфинитива от личных форм заключается в отсутствии морфологического форманта личности и в падежной форме синтаксического выражения личности: при инфинитиве деятель назван именем не в именительном, а в дательном падеже. (Ср. мнение А. А. Шахматова, что «представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния; это подобно тому, как имя прилагательного вызывает представление о носителе соответствующего качества-свойства» (Шахматов А. А. 2000:461)). Отличие инфинитивного предложения от словарного инфинитива в том, что субъект действия в первом случае всегда известен. В предложении, содержащем сообщение о действии, субъект действия, потенциальный или реальный, в принципе всегда находит выражение в одной из трех ипостасей лица: определенно-личном значении, неопределенно-личном или обобщенном.

По существу, это отмечал А. М. Пешковский, сопоставляя параллельное употребление инфинитива и отглагольного существительного: «Я люблю *читать* указывает на то, что я **сам** читаю или, по крайней мере, стремлюсь к этому; я люблю *чтение* может означать, что я люблю слушать, как другие читают, или даже просто только покровительствую чтению, люблю, чтобы вокруг меня читали». (Пешковский, 1956:142).

Неназванность субъекта, отсутствие в конкретном инфинитивном предложении формы дательного объясняется теми же причинами, что и неназванность субъекта при действии, выраженном личной формой глагола. Это либо контекстная известность определенного лица, либо обобщенно-личное значение субъекта. Так, сопоставляя именительный и дательный субъекта, А Вежицка строит пропорцию

$$\frac{\text{Он хочет погулять}}{\text{Ему хочется погулять}} = \frac{\text{Он весел}}{\text{Ему весело,}}$$

из которой выводит, что существительные в дательном падеже, противопоставленные существительным в именительном, так же как и последние, служат в предложении подлежащим, а при отсутствии дательного в подобных предложениях сохраняется позиция этого подлежащего с обобщенным, потенциальным значением (Wierzbicka, 1966:84-88). Как отмечает Е. М. Галкина – Федорук, «инфинитив, как форма глагола, не осложненная значениями лица, числа и рода, очень удобен для выражения деятельности или состояния безотносительно к лицу-действителю.» (Галкина-Федорук, 1958:245). Морфологическая невыраженность предикативных категорий лица, времени, модальности в инфинитиве преодолевается языком синтаксически. Инфинитивное значение потенциального действия реализуется в связях, присущих действию, в наборе постоянных компонентов, сопровождающих инфинитив и вместе с ним образующих определенные типы инфинитивных конструкций.

Морфологически не выраженное, но обнаруживающееся в синтаксических связях потенциальное значение лица и модальности, а также специфика временного значения делают инфинитив более емким, более концентрированным обозначением ситуации. И если спрягаемая форма исчерпывает свое конструктивное назначение построением сообщений о событии (в индикативной или императивной модальности), то инфинитив, «в свернутом виде» содержа в себе обозначение той же ситуации, способен либо 1) строить предложение, в котором предикативность получает выражение в сочетании названия действия и его субъекта (вербализованного или невербализованного, что все равно синтаксически значимо); в этом случае перед нами экспрессивно-модальная структурно-семантическая модификация номинативно-глагольной модели действия, либо 2) предикативно сочетаться с новыми (определенными) словами, создавая построения более сложного синтаксического ранга.

I.1. Компонент модального значения в инфинитивных конструкциях

В ходе современных семантических поисков вырабатывается единое понимание значения предложения как комплекса разных по своей природе компонентов. Особую актуальность приобретает мысль о том, что в содержании предложения соединяются значения двух принципиально различных родов: объективное, отражающее действительность, и субъективное, отражающее отношение мыслящего субъекта к этой действительности. Наиболее четко эту мысль выразил швейцарский ученый Ш. Балли. Он предложил для двух слагаемых значения предложения названия **диктум** (объективное содержание) и **модус** (выражение позиции мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию) (Балли 1955:45-48).

Значение предложения не может ограничиваться выражением объективной действительности – информацией о мире и о его осмыслении (диктумная часть значения). Предложение также выражает и «коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом» (Балли 1955:44) над объективным содержанием предложения: его оценку, выражение чувства или воли.

Модальная семантика возникает только в ситуации, аналогичной ситуации оценки, т.е. при наличии субъекта, объекта и основания.

В синтагматике глагола находят выражение две особенности действия: фазисный характер процесса (языковая констатация моментов начала и окончания, прекращения действия и – между ними – продолжения его), а также «внутрисинтаксическое» модальное отношение субъекта к действию (в плане возможности, желательности, долженствования). Их объединяет способ выражения – посредством несамостоятельных, вспомогательных слов, чаще глаголов. При этом само действие получает выражение в форме инфинитива, а вспомогательное слово, если это глагол, как бы замещает его место, принимая личную форму. Если вспомогательное слово выступает в именной форме, то при модальном имени название действия сохраняет форму инфинитива (*может прийти – возможность прийти, стремится узнать – стремление узнать*), но при фазисном имени название действия принимает только форму девербатива

(*начать работать* – начало работы, *продолжать читать* – продолжение чтения, *кончить воевать* – конец, окончание войны). Таким образом, приименное употребление инфинитива возможно только при именах существительных с модальным значением (либо называющим само опредмеченное модальное отношение: *желание нравиться, попытка вырваться*, либо называющим лицо по его склонности, способности к действию, выраженному инфинитивом: *любитель поесть, мастерица вышивать*), а также при именах прилагательных, называющих модальное отношение субъекта к действию как признак, приписываемый этому субъекту (*способен увлекаться, склонен фантазировать, должен уехать*) и соответствующих деадъективах (*способность увлекаться, склонность фантазировать* и т.д.). В трактовке отношений между элементами подобных сочетаний много неясностей. С точки зрения членов предложения твердо принято фазисные и модальные глаголы квалифицировать как вспомогательные слова в рамках одного члена – составного глагольного сказуемого. Эта квалификация почему-то не распространяется на фазисные и модальные имена, соотносительные с глаголами, хотя их корневое значение и характер выражаемого отношения к действию остаются теми же.

С другой стороны, употребление инфинитива при модальных и фазисных словах принято считать зависимым, что отражается в основополагающем делении инфинитивов на зависимые и независимые, а также в теории словосочетания. Эта квалификация вступает в противоречие с признанием «господствующего» слова модального значения несамостоятельным: словосочетанием считается сочетание «двух знаменательных слов», а самостоятельное вряд ли может зависеть от несамостоятельного, тем более, что выражается эта связь лишь соположением. В данной работе рассматриваются лишь некоторые типы инфинитивных конструкций, используемые в русском языке наиболее часто. В качестве предмета исследования были выбраны двусоставные инфинитивные структуры и конструкции с приобъектным инфинитивом.

Нельзя не заметить, что выражение модального отношения к действию-инфинитиву составляет основное содержание разнообразных конструкций, формирующихся с инфинитивом.

Сочетание присубъектного инфинитива с модальными глаголами (так же как и с модальными именами) выражает положительное модально-волеитивное отношение субъекта к своему потенциальному действию (*хочет, стремится, старается, привык, пытается, силится, умеет, любит, предполагает, склонен, намерен, мастер, любитель* + инфинитив) или отрицательное модально-волеитивное отношение субъекта к потенциальному действию (*боится, опасается, страшится, стыдится, отказывается* + инфинитив).

Сочетание приобъектного инфинитива с личными глаголами выражает модально-волеитивное отношение к действию-инфинитиву со стороны другого субъекта, воздействующего на волю потенциального субъекта действия-инфинитива. В зависимости от того, желательно или нежелательно действие-инфинитив для каузирующего субъекта, его отношение принимает характер положительного воздействия (*просит, уговаривает, убеждает, заставляет* + кого + инфинитив; *разрешает, приказывает, велит, советует, помогает* + кому + инфинитив) или отрицательного воздействия (*запрещает, мешает, препятствует* + кому + инфинитив; *отговаривает* + кого + инфинитив). Двусубъектность конструкции с объектным инфинитивом делает более сложным и модальное содержание ее: действие-инфинитив желательно (нежелательно) для каузирующего субъекта, с его же точки зрения это действие необходимо или целесообразно (ненужно или нецелесообразно) для каузируемого субъекта.

Способность инфинитива «свертывать», имплицировать предикативную единицу, создавать полипредикативные предложения ярко проявляется в построениях, которые можно назвать вторичными, или именными, инфинитивами, или результатом инфинитивизации.

Репрезентацию пропозиции в виде инфинитива по аналогии с номинализацией называют инфинитивизацией. С ее помощью может быть

представлена любая пропозиция, т.е. она соотносима с любой другой репрезентацией, при этом используются синтетические средства (он встретил друга → встретить друга) или аналитические (он умен → быть умным, зима → быть зиме, он в гневе → быть во гневе, он приглашен → быть приглашенным и т.д.). Уже это говорит об универсальных ономаσιологических возможностях инфинитивизации, о доступности ей в русском языке любого пропозитивного содержания.

Наряду со спрягаемо-глагольной формой инфинитив может употребляться как предикат, что отмечалось в русской синтаксической науке как его «независимое употребление».

За инфинитивом в русском языке закреплено свойство выражать более ограниченный набор пропозициональных значений, чем за спрягаемо-глагольной формой: из модальных значений – только модальность осуществления; из временных планов для инфинитивных предложений характерен план будущего (*Вам дежурить!*, *Саду цвести*), хотя возможен и план прошедшего (*Наивная! Ей было не представить, что не себя, ее хотел прославить* – Рубцов, Оттепель), а также нейтрализация противопоставлений временной локализации (*Не догнать тебе бешеной тройки!* – «никогда»).

Отдельный случай независимого инфинитива (аналогично номинативу) составляет инфинитив представления: *Шутить и век шутить! Как вас на это станет?* (Грибоедов) – Пешковский, 1956:407.

Однако гораздо чаще инфинитивные конструкции выступают в составе предложений, где предикативные значения выражаются другими формами. Инфинитиву свойственна универсальная сочетаемость с разнообразными показателями оценочности и модальности; при этом показатели оценочности и модальности могут иметь практически любую форму: финитную форму глагола (*Запрещается/запрещают курить*, *Предстоит встретиться*); имени существительного (*Сочту за удовольствие поговорить с вами еще раз*, *Строить – это радость*); прилагательного (*Кататься - весело*, *Уговаривать его было излишним*); причастия (*Решено уехать*, *Собравшийся уехать вдруг остался*);

адвербиальные формы (*Драться – не к лицу, Он был не в состоянии продолжать этот разговор*).

Нельзя сказать, чтобы сочетаемость с показателями оценочности было привилегией инфинитива – это вполне возможно и при номинативном выражении пропозиции, например, (ср. *Куришь вредно* и *Курение вредно*) и при ее глагольной репрезентации (*Вредно, когда много курят*). Однако особенностью инфинитивизации является ее маркированность по признаку совпадение/несовпадение субъекта пропозиции и субъекта оценки. В предложениях с инфинитивом чаще всего имеет место совпадение, тогда как другие конструкции не маркированы в этом отношении. Так, например, предложение с номинализацией *Мне нравится пение* может быть понято как односубъектное или двусубъектное; а предложение *Мне нравится петь* однозначно односубъектно.

Односубъектность сопровождает инфинитивизацию не только в конструкциях, выражающих оценку действия. Так же должны быть охарактеризованы конструкции с показателями фазисности: *начал работать*.

Инфинитивизация обнаруживает много общего с номинализацией. Их общим семантическим свойством является отвлеченное обозначение пропозиции, безотносительно к ее осуществленности, временной локализации и персонализации, что обеспечивает широкую употребительность в общих суждениях. Часто параллельно с номинативом. Эта их синонимичность отмечалась неоднократно, со времен Ломоносова – см. его пример *Леность вредна* и *Лениться вредно* (Виноградов, 1972:31). Однако инфинитив оказывается во многих случаях более удобным видом репрезентации пропозиции в виду отсутствия словообразовательных и лексических ограничений. Вследствие этого сфера его употребления оказывается шире (так, только инфинитив возможен в сочетании с модальными показателями типа *следует, полагаться* и т.д. Ср. *Отъезд невозможен* и *Уехать невозможно*, но *Следует уехать* и **Следует отъезд*). Кроме того, грамматическая природа инфинитива обеспечивает его большую семантическую мощь, так как позволяет не только назвать ситуацию, но и сообщить характеристики ее протекания, градуальные и

некоторые другие, что чаще всего невозможно при номинализации. Так что параллельность этих двух репрезентаций оказывается не совсем полной. Например, при выражении смысла предложения *Так много курить – вредно* сомнительно использование имени вместо инфинитива. Также невозможно заменить инфинитивы именами в след.: *Хорошо проснуться в долгую зимнюю ночь в теплой родной комнате, покурить, поговорить, разогнать жуткие ощущения веселым огоньком.* (Бунин, В поле).

Инфинитив регулярно сочетается с субъектным распространителем в дат. падеже, что отмечается для его самых разных употреблений. См. *Вам завтра дежурить, Мне приятно это слышать, Ему следует задуматься об этом, Ему можно поговорить об этом самому, Ему не с кем поговорить.* Это обстоятельство дает возможность рассуждать об управлении глагола не только многообразными объектными распространителями, но и субъектными: личные формы управляют имен. пад., инфинитив – дат. пад. (Тимофеев, 264, Виноградов, 1972:280).

Инфинитивная конструкция самостоятельно образует простое предложение, имея собственное предикативное значение; она может составлять придаточную часть многих типов сложного предложения; имеет широчайшие сочетаемостные возможности. Исследователями действия нормы в сфере синтаксиса отмечается экспансия инфинитива, т.е. расширение употребимости этого вида репрезентации пропозиции в разных синтаксических условиях. Важно также отметить универсальную сочетаемость инфинитивных конструкций с показателями оценочности и модальности. Для дальнейшего разбора модальных компонентов инфинитивных структур необходимо представить основные составляющие ситуации.

Субъект модального отношения (модальный субъект) – преимущественно говорящий; во всяком случае все показатели модальности (грамматические и лексические) приспособлены именно для такого обозначения модальности: только при несовпадении модального субъекта и говорящего требуется его специальное обозначение, модальность в таком случае обязательно должна быть авторизована – ср.: *Он должен сказать об этом сам* (с точки зрения говорящего)

и Он считает, что должен сказать об этом сам (с точки зрения субъекта ситуации).

Объекты модального отношения только пропозитивны, т.е. это события действительности, а не отдельные предметы или лица. Поэтому показатели модальности сочетаются с предикативными единицами (*Хочу, чтобы они ушли*), инфинитивами (*Хочу уехать*), отглагольными именами (*Стремлюсь к отъезду*) – т.е. разнообразными обозначениями пропозиций. Имена предметной семантики, сочетаясь с модальными показателями, получают пропозитивное прочтение (*Хочу на Север* = *Хочу уехать на Север*; *Хочу чаю* = *Хочу выпить чаю*).

Основанием модального отношения может быть, как нормативное представление, этическое в первую очередь (*В довершение неловкости он решительно не знал, что говорить, а говорить было необходимо. Чехов. Верочка*) или особые ситуативные соображения (*Чтобы приступить к исследованиям космического пространства, необходимо было решить целый ряд научно-технических проблем. Природа, №10, 77*). Особенность модальности – возможности воли как основания модального отношения, в этом случае возникают значение волеуказания модальности (Виноградов 472-473, Золотова 209, Грешл 29).

Волеуказательность может быть компонентом лексической семантики показателя модальности (*приказывать, рекомендовать* и т.д.) или выражаться в предложении специальным показателем, совмещающим, как правило, это значение с авторизацией (*считаю необходимым подчеркнуть...*).

Содержание модального отношения – семантически более сложное явление, чем содержание оценки. В данной работе рассмотрим содержание модального отношения как установление отношения к описываемому событию в плане реальности/ ирреальности. Значения реальности/ирреальности связаны с противопоставлением реальности, «данной нам в ощущениях», способной быть объектом нашего восприятия, нереальности (ирреальности) как факта нашего воображения, умственной деятельности. Реальность, как правило, выступает в чистом виде и взаимодействует в предложении с различными временными и аспектуальными значениями. Ирреальность может выступать в чистом виде и

осложняться указанием на ее поворот к реальности, осуществлению. В последнем случае образуется сфера модальности, весьма обширная и разнообразно выражаемая, которая противопоставляется «объективной модальности» как «внутрисинтаксическая» (Золотова, 1973:157-159), «вторичная» (Филипповская, 1978:13,39), «субъектная» (Ломов, 1977:51).

Представляется более целесообразным и теоретически более оправданным считать, что семантика модальности осуществления, соединяясь с различными семантическими компонентами, дает целый круг многообразных значений, которые не противопоставлены «объективной модальности» (т.е. собственно модальности), а представляет более сложные случаи ее проявления, т.к. при этом не меняется точка отсчета для установления отношения – субъектом ее является говорящий; одно из значений «объективной модальности» (ирреальность) входит в каждое из значений модальности осуществления, выступая как интегральный семантический компонент.

Учитывая результаты исследований модальности осуществления (Адамец 1968, Виноградов 1975, Золотова 2001 и др.) и применяя метод компонентного анализа, можно утверждать, что любое значение этой модальной сферы включает в свой состав, помимо компонента «ирреальность», один из трех обязательных компонентов этой семантической сферы и может осложняться некоторым количеством факультативных компонентов значения.

II. Двухкомпонентные инфинитивные предложения

II.1. Общая характеристика

Пять рассматриваемых здесь типов предложений обнаруживают общность формальной и смысловой организации, что объединяет их в единый блок двухкомпонентных инфинитивных предложений (ДИП). В своих взглядах будем опираться на мнение Т. В. Шмелевой (Шмелева 1979).

Формальное единство блока проявляется, во-первых, в их двухкомпонентности, во-вторых, в наличии в каждом из них инфинитива в качестве одного из компонентов, и в-третьих, в аналогичности синтаксического поведения компонентов, проявляющегося в согласовании с инфинитивом либо его партнеров по схеме, либо связочных средств, используемых в схемах при их грамматических и структурно-семантических модификациях.

Формальное единство схем блока проявляется и в аналогичности их парадигматических свойств: их грамматическую парадигму составляют формы трех времен реальной модальности, условного и редко желательного наклонения. Все схемы, за исключением Inf Vf, образуют грамматические формы аналитически с помощью глагола-связки *быть*, для схемы Inf Inf характерны связки, совмещающие выражение предикативных значений с семантикой отождествления (*значить, означать*).

Схемы блока характеризуются определенным кругом регулярных реализаций, среди которых наиболее частотна фазисная (модификаторы – глаголы *стать, становиться, делаться*).

Очень стало жить широко, молодо (Паустовский. Блестающие облака); реализации, которые можно было бы назвать авторизующими, т.к. с их помощью в предложения вводится «второй субъектный план» - *Выходит из дома раньше положенного времени считалось столь же крамольным, как и залеживаться в постели* (Нагибин. Сирень). Возможны для ДИП и регулярные модальные реализации, например: *Князь Василий решил, что эту кость, вексель в тридцать тысяч, надо было все-таки бросить княжне с тем, чтобы ей не могло прийти в голову толковать об участии князя Василия в деле мозаикового портфеля* (Л. Толстой. Война и мир).

Формальному единству схем блока соответствует единство их схемной семантики, которая характеризуется двуэлементностью: ее составляют обязательный пропозитивный элемент, выражаемый инфинитивом с его распространителями, и второй элемент - модальный или оценочный. И модальный, и оценочный элементы могут выражаться в рамках одной схемы с помощью лексических показателей, соединяясь в составе одних показателей, партнеров инфинитива по схеме.

Схемы блока обнаруживают специализацию в выражении не-пропозитивного элемента семантики, а именно а) кругом оценочных и модальных значений и б) способом создания оценочного значения.

По первому признаку схемы Inf Adj f и Inf Inf, обладая самыми широкими семантическими возможностями, противостоят всем другим: с их помощью может быть выражена практически любая оценка ситуации. Однако схема Inf Inf использует эту возможность иначе, чем схема Inf Adj f, т.к. имеет тенденцию выражать недифференцированные оценочные значения, из которых очевидна только положительность/отрицательность; так из предложения *Писать мне письма и просить ответа значит обрекать меня на неизбежные угрызения совести* (Брюсов. Из писем) очевидна отрицательная оценка первых двух ситуаций, которая может быть истолкована как чистая оценка (нехорошо, дурно), этическая (безжалостно, жестоко) и, возможно, как-нибудь иначе.

Разнообразен круг оценок, выражаемых с помощью схемы Inf Vf, хотя он более узок, чем у двух предыдущих.

Семантическая близость всех трех схем проявляется в возможности построения по ним синонимических высказываний, например, такого ряда: *Постулировать описанный процесс – значит противоречить элементарной логике* (Наука и жизнь, №7, 1977) и *Постулировать этот процесс невозможно / недопустимо / дело недопустимое / бессмысленно / абсурд...*

Схемы Inf Vf и Inf Adv/N2 обладают более узкими возможностями: они специализированы на выражении модальности, причем особенность второй составляет актуализированность компонента «основание оценки», который

выражается в составе второго компонента: *не под силу, не в характере кого-либо* и т.д.

Семантика ДИП предполагает их полисубъектность (Золотова, 1973:277): наличие пропозитивного субъекта и субъекта, от которого исходит оценка или модальное отношение.

Пропозитивный субъект может совпадать с субъектом оценки – при этом потенциальное свойство схем – полисубъектность – не реализуется, и семантическая структура построенных по ним предложений включает один субъект (*Ему хочется уехать, Ему было приятно думать об этом*).

В отношении второго субъекта и говорящего могут быть следующие варианты: а) совпадение говорящего и субъекта оценки, при этом два элемента семантики ДИП распределяются по двум блокам смысла предложения – оценочный элемент входит в пропозициональный блок (включение говорящего в значение обобщенного субъекта оценки: *Правду говорить легко и приятно, -- заметил арестант. -- Мне не нужно знать, -- придушенным, злым голосом отозвался Пилат, -- приятно или неприятно тебе говорить правду*; специально оговоренная не-принадлежность говорящего к кругу субъектов оценки: *Как говорят врачи, мне полезно ходить пешком.*); б) расхождение говорящего и субъекта оценки – тогда оценочное значение входит в пропозитивный блок смысла, оно сопровождается выражением собственных отношений говорящего.

Для этих отношений существенна конкретность/абстрактность обоих субъектов, что влияет на характер проявления субъектности в ДИП. Идя от плана выражения, можно выделить следующие случаи ее проявления.

Отсутствие субъектных показателей при схеме выражает обобщенное значение как пропозитивного, так и пропозиционального их субъекта, т.е. и оцениваемая ситуация, и оценка относятся к любому мыслимому субъекту, а значит говорить об их совпадении/несовпадении не имеет смысла, т.е. для таких предложений признак моносубъектность/полисубъектность оказывается нерелевантным. Они представляют собой общие суждения оценочного типа, или общие суждения, и с большей частотностью строятся по всем схемам блока; см., например: *Любовь такая штука: в ней так легко пропасть* (Окуджава) - Inf Adj

f; *Поверьте, Наташа, романтика – мужественная вещь, и над ней не стоит смеяться...* (Олеша. Вишневая косточка) – Inf Vf; *Невероятное нахальство – делать замечания отцу* (Трифонов.) – Inf N1; *В цирке надо не высиживать, а падать и взлетать* (Окуджава) – Inf Adv (N2); *В лоб целовать – заботу стереть* (Цветаева) – Inf Inf.

Конкретизация, выражающаяся главным образом в появлении при схеме распространителей, может касаться двух субъектов и одного из них (естественно, что речь идет о распространителях конкретной семантики, т.к. в противном случае смысл предложения не перестает быть обобщенно-субъектным, например, *...вольно всякому хвалить и порицать все, что относится ко вкусу* (Пушкин. Ответ на статью в журнале «Атеней»); *В такое утро каждому хочется танцевать* (Олеша. Три толстяка). Кроме того, конкретизация субъектности может не сопровождаться появлением субъектных распространителей – тогда имеет место обычный эллипсис, см. *Теперь уж мне влюбиться трудно, Вздыхать неловко и смешно, Надежде верить безрассудно..*(Пушкин). Такие факты не относятся к специфике данных схем и потому специально не рассматриваются).

Конкретизация обоих субъектов одновременно происходит в предложениях с совпадением субъектов пропозиции и оценки; это отличает ДИП от других средств выражения аналогичных оценочных значений, ср. *С вами всегда приятно поговорить – Мне с вами всегда приятно поговорить*; ср. *Приятно, когда встретишь старого друга –* Мне приятно, когда встретишь старого друга.*

Конкретизация двух субъектов порознь производится в предложениях, построенных по схемам Inf Adj f и Inf Vf при заполнении их причастиями и глаголами, в лексическую семантику которых входит компонент «каузативность»: *велено, приказано, запрещено, предписывается, разрешаться, запрещаться.* Реализуется эта возможность очень редко, причем позиция субъекта оценки (каузатора) занимает чаще всего не-антропонимами, например, *Руководством предприятия ему разрешено/разрешается принять участие в этой конференции.*

Конкретизация одного из субъектов – типичное явление для смысла ДИП. В зависимости от характера оценки введением субъектного распространителя может конкретизироваться либо субъект пропозиции (в этом случае субъект оценки обобщен): *Вам полезно ходить пешком*, либо субъект оценки (в этом случае субъект пропозиции совпадает с ним) – *Мне смешно говорить об этом всерьез*; *Для меня нелепость – обижаться на такие вещи*; ср. *Мне смешно, когда об этом говорят всерьез*. В первом случае имеет место общая оценка пропозиции с конкретным субъектом, и во втором – конкретная оценка пропозиции с любым субъектом.

Так разнообразно может быть реализован потенциальный признак полисубъектности, вложенный в семантику схем: от реальной полисубъектности (*Ему кем-то запрещено уехать*) до обязательной односубъектности (*Мне захотелось уйти*). За счет различных комбинаций обобщенного/конкретного значения субъектов на основе данных схем формируются четыре типа предложений, которые можно представить в такой таблице:

субъект		Тип предложения
ситуации	модально-оценочного отношения	
Обобщ.	Обобщ.	1. Общие оценки ситуаций с любым субъектом (общие суждения оценочного типа) – <i>Расставаться грустно</i>
Конкр.	Обобщ.	2. Общие оценки ситуаций с конкретным субъектом – <i>Вам полезно ходить пешком</i>
Обобщ.	Конкр.	3. Конкретные оценки ситуаций с любым субъектом – <i>Мне смешно говорить об этом всерьез</i>
Конкр.	Конкр.	4. Конкретные оценки ситуаций с тем же субъектом – <i>Мне захотелось уехать. Ему приятно вас слушать.</i>

Весьма типичным для данных схем является 1 тип, что дает основание трактовать их как структуры «с обезличенным выражением агенса» (Золотова, 1973:58). Как видно из сказанного, такое значение имеет лишь одна из возможных реализаций субъектных потенций схемы и потому оно не может быть признано их характеристическим свойством.

Из такого понимания логично заключить, что формы с субъектным значением вполне допустимо и целесообразно квалифицировать не как компонент схемы, а как ее распространители, появляющиеся при особых семантических потребностях – конкретизации субъекта.

Для обозначения субъекта ДИП обладают несколькими возможностями. Наиболее типично распространение формой дат. падежа имени, с помощью которой конкретизируются как совпадающие субъекты пропозиции и оценки (*Мне хочется...*), так и один субъект пропозиции (*Вам полезно...*), реже – субъект оценки (*Мне смешно...*). Типичность этой субъектной формы для данных схем объясняется присутствием в них инфинитива. При конкретизации субъекта оценки используется форма «для + Р. п.», которая и в других случаях выражает субъект оценки и интеллектуального восприятия: *По их глазам он видел, что шары – сокровище, что обладать хотя бы одним шаром – для поваренка мечта и счастье* (Олеша. Три толстяка); *А мне надо писать, писать и спешить на почтовых, так как для меня не писать – значит жить в долг и хандрить* (Чехов, из писем).

В некоторых случаях допустимы обе эти формы, например, *Писать по-немецки или по-английски для меня легче, чем по-русски* (Чехов. Скучная история) и *Ему было нелегко сделать выбор* (За рубежом, №44, 1972). Однако в целом, форма дат. падежа выступает практически во всех схемах блока, кроме Inf Inf : Inf Adj f (*Мне необходимо, важно, полезно, интересно узнать об этом*), Inf V3s (*Мне удалось, потребовалось, не терпелось, посчастливилось...поговорить с ним*), Inf Adv/N2.. (*Мне нельзя, не под силу, не к лицу делать это самому*), Inf N1 (*Видеть ее мне большая радость, удовольствие*). Форму же «для + Р. п.» предпочитают схемы с N1 и Inf.

Кроме двух этих форм, есть несколько разнообразных способов введения конкретного субъекта (оценки, в первую очередь), так, в схеме Inf N1 часто для этого используются присловные распространители имени: *Работать регулярно – моя мечта* (Казаев. О простоте формы); *Иметь свой дом... – это было заветнейшее желание каждого чиновника, каждого мещанина, каждого сапожника в Стрелецке* (Бунин. Чаша жизни). Кроме того, для всех схем допустимо введение субъекта оценки в составе авторизующей конструкции.

II.2. Структурная схема Inf Adj f

Схему Inf Adj f отличают широчайшие семантические возможности и соответственно – самый высокий показатель продуктивности, который должен быть определен как число, близкое к 300 (при этом отдельными формами не считались отрицательные дериваты типа *полезно – бесполезно, умно – не умно*, независимо от раздельности/слитности написания, а также варианты типа *жалостно / жалко, рискованно / рисковно* и т.д.).

Такая семантическая мощь и высокая продуктивность схемы объясняется естественностью оценочных значений для прилагательного, а также регулярностью и простотой образования кратких прилагательных. При этом большинство из них отличается частотностью употреблений; редких, уникальных реализаций схемы зафиксировано меньше, чем для других схем. Это говорит об обычности, регулярности употребления схемы в русском языке: построенные по ней предложения достаточно часто встречаются в текстах самых разных типов (художественных, публицистических, деловых). По частотности построенных по ней предложений схема Inf Adj f значительно превосходит все другие схемы блока.

В принципе схема Inf Adj f характеризуется простотой формирования оценочного значения: как правило, оценка непосредственно называется прилагательным, т.е. большинство оценок создается прямым способом, в них практически полностью представлен круг доступных схеме оценочных значений. Релятивные оценки, также выражаемые с помощью схемы, распределяются по

разным группам, хотя распределение это бывает трудно произвести с определенностью ввиду недифференцированной семантики релятивных оценок.

Модальность выражается в схеме с помощью более 70 форм (из них 30 страдательных причастий). Схеме доступны все три сферы модальности осуществления.

Неволеунтативная необходимость выражается с помощью причастий (*положено, принято, суждено, предназначено, предопределено* и вариант – *определено*): *На некоторые жалобы и запросы положено было систематически не отвечать* (Достоевский. Бесы); *Нам волей роковых стечений друг друга суждено узнать* (Цветаева); и с помощью более десятка прилагательных, одни из которых (*должно, нужно, необходимо...*) имеют более простую семантику, другие (*неизбежно, не лишне, достаточно*) – более сложную. Первые выражают необходимость в чистом виде – *...необходимо в Москве купить Вите какую-нибудь очень хорошую игрушку* (Куприн. Игрушка); *Мыслить – естественно, но не обязательно каждый раз кричать «эврика!»* (Битов. Птицы, или новые сведения о человеке).

Семантика более сложных показателей отягощена дополнительными компонентами. Самый «действующий» из них – компонент «цели», по отношению к достижению которой определяется необходимость осуществления той или иной ситуации. Наиболее прозрачно эта семантика выражается прилагательным целесообразный, которое может быть использовано как «необходимый в соответствии с целями или как в наибольшей степени им соответствующий».

Несколько прилагательных обозначают необходимость одной ситуации в ряду ситуаций, необходимых для достижения определенной цели (подаваемом в предложении эксплицитно или имплицитно): *достаточно, мало, лишне/излишне*. Так, прилагательные *достаточно, немало* соединяются с наименованием ситуаций, осуществление всех других из ряда, а прилагательные *недостаточно, мало* – напротив, с наименованием ситуаций, осуществление которых не отменяет необходимости всех других. В таких предложениях иногда имеется конкретное указание на достигаемый результат («для + N2», для того, чтобы Inf»); иногда оно очевидно из пресуппозиций: *Для того, чтобы стать писателем, так ему казалось*

в детстве – вовсе не нужно писать стихи, повести или роман. Достаточно было придумать одно слово, всего лишь одно, но такое, чтобы оно было лучше всего Пушкина, Байрона, Шекспира. (Каверин. Скандалист); С этого дня и каждый день ... я выходил из-за своей пишущей машинки и сразу за порогом, оказывался там, где писать нечего и незачем, потому что достаточно видеть и благодарить судьбу за то, что даны глаза и дано глазам (Битов. Птицы...); Но разве я не осознавал порой, что мало иметь крылья, чтобы летать, что для крыльев нужно иметь еще воздух и развитие их? (Бунин. Жизнь Арсеньева); Я пролетарий, объясняться лишне (Маяковский. Рассказ литейщика Ивана Козырева).

Прилагательное *не лишне* выражает рациональную необходимость, осложненную компонентом «некатегоричность оценки» - *Если она здесь без мужа и без знакомых,- соображал Гуров,- то было бы не лишне познакомиться с ней. (Чехов. Дама с собачкой).*

Волеизъявительную необходимость (односубъектную и двусубъектную) выражает около полутора десятка форм: больше десяти причастий (для которых характерна двусубъектность) – *приказано, поручено, велено...* и несколько прилагательных, таких как *желательно, угодно: ... мне все таки желательно было бы лично выслушать ответ из уст супруги (Куприн. На разъезде); Я отыскал вас, чтобы узнать, когда вам будет угодно ехать домой (Куприн. Впотьмах); Телегину было приказано занять со своими охотниками лесок, синевший на горке (А.Толстой. Хождение по мукам); Ребятишкам велено было отойти к кустам, что они тут же и охотно исполнили (Астафьев. Медведи идут следом).*

Особо стоит отметить случай случай выражения средствами схемы императивности: *Довольно сентиментальничать. Просентиментальничали свою жизнь. Довольно (Булгаков. Белая гвардия).*

Как видно из приведенных примеров, данные средства оказываются не самыми продуктивными в обширном кругу средств выражения волеизъявительной модальности, многие из них производят впечатления устаревших или сугубо книжных. Удобство и составляет возможность объективированного представления субъекта волеизъявительной оценки, особенно при использовании причастий, которые хоть и допускают конкретизацию субъекта за счет распространителя (кем

приказано), но практически не используют эту возможность. Форма *довольно* является особым средством выражения императивности, некатегоричной. Как правило, без названия пропозитивного субъекта. Еще большее смягчение категоричности может достигаться введением *бы*: *Однако, тятенька, уже довольно бы этих куплетов слушать...*(Островский. Лес)

Особенностью схемы является выражение односубъектной волекативной модальности (интенции) с эмоциональным основанием, часто осложненное компонентами «деагенсивность» и «некатегоричность желания», выражаемое с помощью почти десятка прилагательных типа *интересно, увлекательно, занятно*: *Я не верю, что неинтересно читать вещи без головоломного сюжета* (Олеша. Литературная хроника); *Молотову занимательно было следить за этим забавным спором между двумя женщинами* (Помяловский. Мещанское счастье);... *а мне любопытно узнать все, что мне от судьбы определено* (Куприн. Картина).

При сочетании таких модальных показателей с *бы* возникает смягчение категоричности оценки – *А интересно бы и цыган послушать* (Островский. Бесприданница).

Значительное место в сфере модальности занимает выражение возможности.

Собственно возможность выражается как прилагательными, так и причастиями. Из причастий употребляются малопродуктивные для современного русского языка *дано, заказано, показано*, а также отрицательные дериваты двух причастий, выражающих необходимость (*не суждено, не положено*): *Пестель понимал, что не всем дано оставаться самими собой под ударами судьбы...* (Окуджава. Глоток свободы); *А теперь старику, конечно, и думать об этом заказано* (Распутин. Живи и помни). Круг прилагательных значительно шире, его составляют более двух десятков форм, с их помощью возможность может быть выражена как в чистом виде (*возможно, реально, вольно*), так и с осложнением – компонентом «основание», в качестве которого может быть эмоциональная реакция (*невыносимо, несносно, нестерпимо*) или некие внешние обстоятельства (*недостижимо, допустимо*), в том числе и перфоративные действия неопределенных лиц (*позволительно, дозвоительно, запретно*): *Хорошо придумывает то, что было, но невозможно сочинить то, чего не было* (Битов.

Азарт); *Как мы ни далеки от столицы, а все же, Иван Дмитриевич, недозволительно так запаздывать в чтении журналов* (Шагинян. Семья Ульяновых); *...не всякому доступно видеть диких животных в их домашней жизни* (Чехов. Степь); *Невыносимо, как в раю, добро просеивать сквозь сито, слова процеживать сквозь зубы, сквозь недоверие – любовь...* (Окуджава. Путешествие по ночной Варшаве в дрожках).

Особенностью схемы Jnf Adj f является выражение значения градуальной возможности при помощи около десятка прилагательных, самые частотные из которых *легко, трудно, просто, тяжело* (и их отрицательные дериваты). Это значение может быть абсолютным и относительным, в последнем случае употребляется компаратив соответствующих прилагательных; ср. *Говорить ему было трудно* (Булгаков. Мастер и Маргарита); *Труднее всего добиться того гармонического момента, когда оба автора усаживаются наконец за письменный стол* (Петров. Воспоминания об Ильфе).

При выражении малой степени возможности достаточно часто происходит осложнение модальной семантики компонентом «основание», что выражается прилагательными типа *обременительно, затруднительно, отягчительно, трудоемко*: *...обременительно по поводу самой простой исторической справки каждый раз перечитывать «Историю» Соловьева* (Салтыков-Щедрин. За рубежом); *Линт – белый пушок, который покрывает семена хлопка. Вручную очищать от него семена невероятно трудоемко, и их сеяли неочищенными* (Знание-сила, №11, 1977)

Волеизъявительная возможность выражается только причастиями (типа *дозволено, запрещено*); при этом практически обязательна объективированность субъекта оценки (хотя конкретизация в принципе возможна формой имени в твор. падеже) – *В доломановской тишине дозволено было шуметь лишь заслуженной престарелой канарейке* (Леонов. Вор); *Купаться в шторм запрещено. Заплывшему – не возвратиться* (Вознесенский) – ср. *Фон Лембке решительно начал задумываться, а задумываться ему было вредно и запрещено докторами* (Достоевский. Бесы). Два показателя этого класса *предложено* и *предоставлено* могут выступать как показатели то возможности, то необходимости

(вынужденности) в зависимости от второй оценки ситуации: при нейтральной и положительной ее оценке – реализуется значение возможности, при отрицательном восприятии – модальность ее воспринимается как необходимость. Ср. *...все это... окрашено настроением мальчика глазами которого вам предложено взглянуть на жизнь* (СЭ, №12,1977) и *Посольству Вьетнама в Пномпене предложено покинуть страну* (Нов.время, №3,1978).

Прогностическая модальная оценка выражается схемой редко, с помощью всего шести причастных форм, причем только волонтактивная оценка с обязательным объективированием ее субъекта: *Было условлено опубликовать совместное коммюнике об итогах переговоров* (Ком.правда, 15 марта 1973); *Тут же решено было позвать Женьку Таубе. Решено было в тот же вечер устроить «на лужайке» детский крик»* - так выразился Нейгауз (Каверин. Скандалист).

Более характерно для для схемы Inf Adj f выражение оценочности. Чистые оценки – одна из специфических ее сфер. К их выражению привлечено около 30 адъективных форм.

Хорошо, просто здорово знать человеку, что дома его ждут и любят (Астафьев. Царь-рыба); *Вы говорите: не хорошо бегать, возиться с детьми, петь – ну, не стану...* (Гончаров. Обрыв);... *было изумительно слушать на переходах разлив аночкиного смеха* (Федин. Необыкновенное лето); *Нет, брат, воровать скверно* (Островский. Бедность не порок).

Средством выражения общей отрицательности оценки в данной схеме должна быть признана форма каково: Каково мне на старости лет попреки слушать! (Островский. Горячее сердце); Каково же было мне по веревочке ходить и не упасть? (Окуджава. Глоток свободы).

С помощью компаратива тех же прилагательных могут быть выражены относительные общие оценки: *...лучше* казалось совсем отказаться от какого-нибудь предложения, нежели поставить его в зависимость от решения отца (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Компонент выбора ситуаций, присутствующий в относительных оценках, обязателен для показателя *предпочтительно*, независимо от того, в какой степени сравнения употребляется: *С их точки зрения было бы предпочтительнее*

(предпочтительно) использовать лучшие образцы старинной колониальной архитектуры...Но у каждой эпохи свой стиль (За рубежом, №1, 1973).

Показатели чистой оценочности индифферентны к основанию оценки, однако в конкретных предложениях выражаемая ими оценка может быть интерпретирована более детально; так, в предложениях с одним показателем *хорошо* может быть выражена оценка с основанием эмоциональным, этическим (см. Два приведенных выше примера), пользы: ...*от насморка хорошо шампанское натошак пить* (Островский. Бесприданница). Иногда основания такой оценки выражаются особым показателем – *Не хорошо пить с горя – вредно* (Битов. Выбор натуры). Некоторые показатели оценочности проявляют склонность к выражению оценок на основании эмоциональных реакций, ср., например, *воровать скверно* и *Вам скверно слушать мои подленькие стоны?* (Достоевский. Записки из подполья) – скверно = неприятно; см. также *ужасно*: *Когда б вы знали, как ужасно томиться жаждою любви...* (Пушкин). Можно выделить особо прилагательные, специализирующиеся на выражении чистых эмоциональных оценок, как положительных (*мило, любо, приятно*), так и отрицательных (*ужасно, жутко*) – всего около 15 словоформ.

Однако дифференциация оценочного значения – явление совсем не обязательное, см. *Хорошо быть художником! Куда хочу, туда иду; Что хочу, то делаю. На службу не ходить, земли не пахать...* (Чехов. Талант).

Один из случаев дифференциации оценочного значения является появление модальности у положительных оценок при соединении с *бы*.

Значительную часть реализации схемы Inf Adj f составляет выражение нормативных оценок, к чему привлекаются более 80 прилагательных.

Общенормативные оценки выражаются в схеме Inf Adj f 10 прилагательными (*естественно, обычно, привычно, староб, ново* и т.д.): *Так сразу начать об институте было бы неестественно, тут надо было выдерживать, потому что всегда он говорит об институте как бы неохотно, через силу* (Битов. Сад); *В наше время даже как-то странно видеть счастливого человека, - говорит один из пассажиров. – Скорей белого слона увидишь* (Чехов. Счастливчик); *Забывать предрассудки не старо, хотя бы самые невинные, а напротив, к общему стыду, до*

сих пор еще ново – мигом заявила студентка, так и дернувшись вперед со стула (Достоевский. Бесы).

Частонормативные оценки выражаются большим количеством прилагательных, достаточно частотно и дифференцированно.

Временные оценки выражаются с помощью 19 прилагательных (*рано, поздно, своевременно, преждевременно*): *Идти в клуб играть в бильярд – рано, ехать на рыбалку – поздно* (Лит. Россия, №29, 1976).

Аксиологические оценки выражаются с помощью прилагательных: *ценно, важно, существенно, дорого, главное*. Оценка безотносительной ценности события выражается первыми тремя прилагательными в форме положительной степени: *Главное, пишите почаще, побольше – в вашем деле очень важно почти не выходить из некоторого опьянения и внутренней и внешней работой* (Бунин, из писем); *Для лингвиста существенно выявить именно языковые способы передачи эмоциональности* (Смысловое восприятие речевого общения).

Редкий пример употребления прилагательного *дорого* в аксиологическом значении можно привести из письма В. Брюсова к И. Бунину: *Группа армянских поэтов обратилась ко мне с просьбой редактировать сборник «Поэзия Армении»... я позволяю себе обратиться к вам с усерднейшей просьбой – не отказать и в своем участии. Среди сотрудников у нас есть А. М. Федоров, В. Иванов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб – и было бы очень-очень дорого присоединить к этим именам ваше имя*.

Относительные аксиологические оценки, предполагающие ряд оцениваемых ситуаций (данных имплицитно или эксплицитно), выражаются формами сравнения этих же прилагательных и формами *главное* и *самое главное* (представляется, что они различаются степенью категоричности оценки): *Мне когда-то Бунин сказал: Самое важное – это преодолеть отвращение к листу чистой бумаги* (Катаев. О простоте форм); *Надо проконопатить, обшить дверь, набить за оконный надровник моху и само окошко обклеить, промазать, пол поднять – сел на землю; главное же – дров на весь сезон наширкать...* (Астафьев. Царь-рыба).

Оценки последствий рассматриваемых ситуаций выражаются с помощью 18 прилагательных, из них большинство имеют общую семантику (типа *полезно/вредно, гибельно* и т.д.); другие же конкретизируют сферу проявления

положительных или отрицательных последствий: *здорово*, например, - *Было бы весьма полезно поточнее зафиксировать подобного рода возвышенности в море, т.к. они влияют на морское течение...*(Знание – сила, №11, 1977); *Лечить увядающий хлопчатник совершенно бесполезно* (там же); *Бегать, пользоваться воздухом - здорово* (Гончаров. Обрыв).

Наиболее продуктивной из конкретных оценок надо признать группу прилагательных, называющих оценку «экономического эффекта» осуществления ситуации. Ее составляют наравне с такими прилагательными, как *дорого / дешево, выгодно / накладно*, новые оценочные показатели типа *рентабельно, эффективно, экономично*: *Мне говорят, что климат петербургский мне становится вреден и что с моими ничтожными средствами очень дорого в Петербурге жить* (Достоевский. Записки из подполья); *Нам экономически выгодно сократить текучесть кадров, ибо расходы, которые мы несем на текучести, на отъезд-приезд, на значительную миграцию – это ущерб, убытки* (Неделя, №28, 1978); *Но как опылять высокие деревья? Авиация здесь не годилась; семеноводческие участки сравнительно небольшие, самолеты применять нерентабельно, и окрестный лес легко заразить...* (Знание – сила, «1, 1978).

Около 20 прилагательных участвуют в выражении в составе схемы этических оценок: *55% политиканов заявили, что неэтично нарушать обещания, данные избирателям, в течение первых 90 дней нахождения в новой должности* (Зарубежом, №50, 1972); *Прежде он последовал бы за Татьяной Марковной на край света, но после сплетни, по крайней мере, вскоре, было бы не совсем ловко ехать с нею* (Гончаров. Обрыв); *Модно об этом говорить, вот и говорят* (Комс. Правда, 6 января, 1973).

В схеме Inf Adj f есть основания видеть удобное средство выражения специальных оценок, хотя среди собранных примеров таких прилагательных мало (*научно, литературно, педагогично, гигиенично*): *Однажды, решив, что носить пенсне не гигиенично, Ипполит Матвеевич направился в оптику и купил очки без оправы, с позолоченными оглоблями* (Ильф, Петров. Двенадцать стульев). Кажется, вполне обоснованным говорить о продуктивности этой группы оценок – имея в виду возможность образовать прилагательные, связанные с наименованием в

принципе любой сферы социальной деятельности (типа *спортивно / не спортивно*), здесь же могут быть использованы формы типа *по-студенчески / не по-студенчески*.

Достаточно часто схемой выражаются оценки логической деятельности, к чему привлекаются больше двух десятков прилагательных. См. примеры: *И признав необязательность для многих типов предложений личного глагола, логично признать необязательность существительного в именительном падеже* (Золотова. О структуре простого предложения в русском языке); *...мне казалось неверным набирать классиков по новой орфографии – они-то ведь по ней не писали* (Битов. Уроки Армении); *...прийти к такому выводу, исходя только из разнобоя в определениях этого понятия, вряд ли было бы серьезно* (Щур. Теория поля в лингвистике); *...вряд ли оправданно термином «поле» обозначать любую группу лексем* (там же).

Как можно заметить уже в приведенных примерах, объектами таких оценок чаще всего являются ситуации ментальной деятельности и речи, а значит с прилагательными в таких случаях соединяются инфинитивы подобной семантики. В иных случаях оценивается не собственно ситуация, факт ее осуществления, а ее значимость, обнаруживающаяся при этом логика событий и поведения (см. *набирать классиков по новой орфографии*).

Так может быть в принципе очерчен круг оценочных значений, доступных схеме Inf Adj f, располагающей, как уже было сказано, самыми широкими возможностями в этом смысле сравнительно со всеми другими схемами блока. Все эти оценки создаются прямым способом.

Этим не исчерпываются возможности применения схемы: с ее помощью формируется достаточно большой круг релятивных оценок. Реализация этого способа в рамках рассматриваемой схемы требует особых замечаний.

Во-первых, релятивные оценки могут выражаться в схеме синтетически и аналитически. В первом случае само прилагательное соотносится с наименованием «привлекаемого» явления действительности (печаль → печально, легкомыслие → легкомысленно и т.д.). Во втором случае используется прилагательное –

экспликатор, которое только вводит наименование оценивающего явления, представляя оценку в предложении аналитически.

Во-вторых, при синтетическом представлении релятивных оценок в схеме Inf Adj f их релятивность отличается от релятивности оценок, выражаемых всеми другими схемами блока: в оценке участвуют не собственно наименования «привлекаемых» явлений действительности, а прилагательное, образованное от его наименования. Ср. *Ему было грустно* и *Грустно нам слушать осеннюю вьюгу*. Оценочное употребление подобных прилагательных в составе схемы Inf Adj f является более сложным в семантическом отношении.

Аналитически в схеме Inf Adj f бывают представлены два вида релятивных оценок: через другую ситуацию и через пропозитивный субъект.

В первом случае используется прилагательное *равносильно*, достаточно часто употребляемое, и редко *похоже*: *Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину* (Чехов, из писем); *Проницательный читатель скажет, что пойти по второму пути может только сумасброд, что это и глупо, и безнравственно, и черт знает на что похоже* (Писарев).

В этом случае схема Inf Adj f оказывается в отношениях синтаксической синонимии со схемой Inf Inf, являясь эксплицитным членом синонимического ряда. Для введения в нее «оценивающей» ситуации используются разные виды номинализации или инфинитивизация в составе структуры сложного предложения, в конструкции *равносильно тому, чтобы Inf*.

Выражение оценок ситуации через пропозитивный субъект, т.е. исполнителя ситуации производится с помощью экспликаторов: *свойственно, присуще, достойно*: *Рассказывать что-нибудь без особенной цели даже своим знакомым – свойственно только праздному болтуну или дряхлеющему старцу* (Писарев. Писемский, Тургенев, Гончаров)

При отсутствии оценочности во второй части таких предложений возникают экспликативные отношения, и содержание таких предложений сводится к выражению логических смыслов – характеристики (для прилагательных *присуще, свойственно, достойно*) или отождествления (для *равносильно*): *Это уже старая*

истина, что нам свойственно любить тех, кому мы сделали или делаем добро (Писарев).

При синтетическом представлении релятивных оценок к их выражению привлекаются прилагательные, соотносящиеся с именами состояний, ощущений, отношений.

Поскольку к формированию оценки привлекаются наименования состояний и ощущений пропозитивного субъекта, а также его отношений к разного рода событиям, то такие оценки оказываются теснее связанными с субъектом, конкретизация субъекта в них касается, как правило, одновременно и пропозитивного и пропозиционального субъекта, которые совпадают в одном лице. Подтверждением этого может служить функционирование прилагательного *смешно*, которое имеет два оценочных значения:

1) прямой оценки – общенормативной (*смешно* = странно, необычно) или уже – логической деятельности (*смешно* = нелогично, нелепо, абсурдно): *Да смешно говорить! -- пронзительно закричал Римский, -- разговаривал или не разговаривал, а не может он быть сейчас в Ялте! Это смешно!* (Булгаков. Мастер и Маргарита)– общенормативная оценка; *Да и смешно было бы отрицать идеализм в «Пролегоменах» Авенариуса* - оценка логической деятельности;

2) релятивной оценки – через эмоциональное состояние – смех: *Он не мог удержаться от смеха – смешно было видеть, как неловко она перескакивает через лужи.*

В первых двух случаях конкретизация субъекта касается только субъекта оценки (*Мне смешно, кто бы ни отрицал...говорил... и т.д.*); в последнем – к субъекту оценки и ситуации (*смешно было, когда я видел...*).

Оценки через состояние субъекта выражаются с помощью семи прилагательных, соотносящихся с именами недифференцированных эмоциональных состояний (чаще всего положительного характера) *волнительно, упоительно, умирительно* и 20 прилагательных, соотносящихся с конкретными названиями эмоций – *скучно, весело, боязно*:

Упоительно встать в ранний час, Легкий след на песке увидеть (Блок);
Ошеломительно чертовски / похолодевшим пицеводом / хватить согретый на

спиртовке / глоток 17-го года (Вознесенский); Чем жарче день, тем сладостней в бору Дышать сухим смолистым ароматом, И весело мне поутру Бродить по этим солнечным палатам (Бунин); Он понял, что она ждет от него объяснения; но объясняться было бы скучно, бесполезно и утомительно (Чехов, Дуэль); Печально наблюдать в среде шоферов такие упаднические настроения (Ильф, Петров. Золотой теленок) и т.д.

Оценки через состояния соотносятся с чистыми оценками и оказываются сложнее их на компонент «основание», т.е. каждая из них может быть истолкована примерно так: печально = плохо, так как вызывает печаль и т.п.

В группе прилагательных, с помощью которых выражаются не прямые оценки через ощущения пропозитивного субъекта, выделяются прилагательные, коррелирующие с именами ощущений физических и таких, которые можно назвать социальными, т.к. они возникают в общении людей, их различных поступках и отношениях.

Выражение оценок с помощью последних прямым образом соотносится с этическими оценками, к их формированию привлекаются прилагательные *совестно, обидно, одиноко* и т.д.: *Стыдно тебе, Андрей Петрович, упрекать меня в необдуманной глупости, в которой я и без того горько раскаиваюсь (Тургенев. Накануне); Когда мы были детьми, мы называли князя Ивана Ивановича дедушкой, но теперь в качестве наследника у меня язык не ворочался сказать ему «дедушка», а сказать «ваше сиятельство» мне казалось унизительным... (Л. Толстой. Юность); Нынче он целый день не был дома, и ей было так одиноко и тяжело чувствовать себя с ним в ссоре... (Л. Толстой. Анна Каренина).*

Среди имен физических ощущений есть смысл различать имена внутренних ощущений (*вкусно, больно, утомительно, голодно*) и внешних, собственно физических (*удобно, тесно, мягко*) и ощущения состояния среды (*душно, холодно, жарко, сыро...*). Примерами выражения оценок через первые могут служить такие предложения: *От солнца и блеска воды светло так, что больно смотреть (Бунин. Жизнь Арсеньева); Невкусно есть один хлеб, без приправы, но делать было нечего, Пашка подумал и съел хлеб (Чехов. Беглец); Как голодно и тоскливо было жить волку в эти дни на Аксае (Айтматов. Ранние журавли).* Эти оценки, как видно,

связаны с чистыми оценками и создаются за счет распределения физических ощущений на положительные и отрицательные.

В этом отношении к ним близки и оценки, к формированию которых привлекаются наименования собственно физических внешних ощущений: *Любовь Ивановна сказал мне, что ей удобно сидеть* (Куприн. На разъезде); *Ася в магазине становилась так далека от него..., ему становилось неуютно видеть в Асе свое столь полное отсутствие* (Битов. Роль); *Спать не хотелось, лежать было очень мягко, неловко* (Чехов. Невеста).

Оценки, к формированию которых привлекаются наименования ощущения состояния среды, соотносятся с модальностью. В таких предложениях оценивается возможность / невозможность ситуации и разные степени возможности (затруднительность, простота осуществления), а собственно прилагательное называет состояние среды, благоприятствующее или нет осуществлению данной ситуации: *Захватив с собой бинокль, я стал взбираться на обрыв – лезть было высоко, темно, и не меньше получаса прошло, пока очутился я наверху* (Казаков. Ночь на «Беге»); *Мне казалось, что ему тепло спать от лунного света, льющего на него и золотом сияющего на стеклах окон...* (Бунин. Жизнь Арсеньева); *Меркурия Авдеевича кидает в дрожь: зябко стоять недвижно на холодной земле!* (Федин. Необыкновенное лето); *Одна рука Чагатаева находилась под головой Айдым, чтобы ей не жестко и не влажно было спать, другой он закрыл свои глаза...* (Платонов. Джан). Эту группу прилагательных может пополнить практически любое прилагательное, называющее состояние природы, так или иначе влияющее на осуществление неких ситуаций, см. пример – *Новый рыб-инспектор бродил в высоких сапогах, а бродить на опечках вязко* (Астафьев. Царь-рыба).

Третий круг не прямых оценок формируется с помощью прилагательных, соотносящихся с именами отношений (или свойств как отношений, характеризующих личность, присущих ей). Большая часть таких оценок, выражающихся почти 30 прилагательными, соотносится с этическими нормами, что вполне объяснимо – многие отношения к событиям, поступкам имеют социальную, этическую значимость: *Колоть беспрестанно мне глаза цыганской*

жизнью или глупо, или безжалостно (Островский. Бесприданница); *Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно* (Пушкин. Опровержения на критики...); *...рассказывать для процесса рассказывания всей читающей публике – просто недобросовестно и невежливо* (Писарев. Писемский, Тургенев, Гончаров); *Конечно, было бы патриотичнее читать русских авторов, но, признаться, я не питаю к ним особого расположения* (Чехов. Скучная история). Такие оценки по сравнению с этическими более конкретны, в них выражено основание оценки – которым и является отношение, так или иначе оцененное в системе социальных ценностей.

Другие отношения соотносятся с оценками логической деятельности, и потому здесь оценка является более сложной семантически. Прилагательных, выражающих такие оценки – около 10, вот примеры их употребления: *Но не грешно ли, не безумно ли мне, бездомному, одинокому, увлечь тебя с собой...* (Тургенев. Накануне); *Как легкомысленно полагать, что именно наш век открыл человеку возможность пользоваться тем-то и тем-то...* (Битов. Уроки Армении); *...и снова выжить, как это сложно, / под доблестной защитой мужчин, / что и в невесты брать неосторожно* (Ахмадулина).

II.3. Структурная схема Inf Vf

Семантические возможности этой схемы уже и специализированней, чем рассмотренной ранее Inf Adj f. Основные группы глаголов, заполняющих оценочную позицию в схеме, представляют собой: 1) глаголы, интерпретируемые традиционно как безличные (*тянет, подобает, угораздит*); 2) рефлексивные модальные глаголы (*запрещается, дозволяется*); 3) аналитические глагольные выражения, в составе которых глагол (абстрактной семантики) выполняет строевую функцию и соединяется с несколькими существительными, в которых собственно и содержится оценочная семантика (*доставлять радость/удовлетворение; войти в моду / привычку / обычай; прийти / взбрести в голову / на ум* и т.д.).

Наличие последней группы говорит о том, что аналитизм присущ схеме Inf Vf в большей степени, чем схеме Inf Adj f, что отчасти может быть объяснено

меньшей склонностью глагола к выражению оценочности. Аналитические выражения, используемые в схеме Inf Vf, расширяют ее семантические возможности, увеличивая круг доступных ей оценочных значений.

Среди схем блока рассматриваемая схема отличается специализацией своей семантики на выражении модальности: она выражается большинством реализаций схемы, при этом регулярно происходит осложнение модальной семантики специфическими комбинациями сопровождающих компонентов. Это делает смыслы предложений, построенных по схеме, уникальными, с трудом поддающимися перифразированию.

Оценки, не относящиеся к модальности, непременно имеют с ней какой-либо смежный, объединяющий компонент; выразители таких же модальных оценок, как правило, редкие, иногда устаревшие слова. Это также говорит о том, что специализация в выражении модальности составляет характеристическое свойство схемы Inf Vf в современном русском языке.

Все основные сферы модальности осуществления доступны выражению схемой.

Необходимость выражается с помощью почти 30 глаголов. При этом собственно необходимость выражается достаточно часто, с помощью более десятка глаголов.

Два из них *требоваться / потребоваться* и *понадобиться* выражают необходимость в наиболее чистом виде, совмещая это значение со значением фазисности – начинательности (обязательно для *понадобиться* и весьма часто для *требоваться*): *Во время стоянки возле острова Моржовца мне понадобилось послать радиogramму в Москву* (Казаков. Северный дневник); *Положение финдиректора было очень затруднительно. Требовалось тут же, не сходя с места, изобрести обыкновенные объяснения явлений необыкновенных* (Булгаков. Мастер и Маргарита); *...я просто болтался по городу, и вдруг мне потребовалось срезать угол – пройти через базар...* (Битов. Одна страна).

Большая часть этой группы глаголов используется в схеме для выражения необходимости, осложненной компонентом «прескриптивность» - это глаголы

следовать, подовать, полагаться, надлежать, и аналитические выражения типа *входить в обязанности, в задачу, лежать на обязанности*: ...дурные привычки следует искоренять в самом начале (Чехов. Дома); *А что есть ночь? И подобает* ли человеку быть перед лицом ее в бодрствовании, в том непостижимом, что есть наше «умствование»? (Бунин. Ночь); *На экзамены полагалось приходиться* в мундире (Паустовский. Повесть о жизни); *Исход сражения еще не известен, но помнить надлежит, что опасность грозит Киеву* (А. Толстой. Хожение по мукам); ...большинством голосов я был выбран санитаром. В мои обязанности входило носить на рукавный красный крест и осматривать перед уроками руки и шеи учеников, отмечая грязненькие крестиками в тетрадке (Нагибин. Мой первый друг, мой друг бесценный!).

Аналитические глагольные выражения могут использоваться для обозначения необходимости преимущественно с конкретным значением пропозитивного субъекта, что обусловлено наличием в составе обязательной формы с субъектным значением: *входит в чьи-либо обязанности, в чью-либо задачу*. Выражение оценки с обобщенным значением субъекта возможно в таких случаях при заполнении субъектной позиции словоформой соответствующей семантики, например, *в обязанности каждого входит...*

Два глагола этой группы *сто́бит* и *не мешает* предназначены для выражения необходимости с компонентом «некатегоричность»; смягчение категоричности субъективизирует оценку, заставляя понимать выраженную таким образом необходимость как совет, осторожное указание: *К этим словам стоит прислушаться; Правду не мешает говорить никогда* (Чехов, из писем).

Еще большее смягчение оценки достигается при использовании форм сослагательного наклонения предложений с этими двумя глаголами: *В разговоре, подслушанном Раскольниковым, студент говорил, что вот существует старуха процентщица; она угнетает свою сестру и стоило бы эту старуху убить* (Шкловский. За и против); *Ему на колени, наверное, не мешало бы стать...* (Окуджава. Глоток свободы). Здесь имеет место переосмысление грамматической формы предложения со значением ирреальности.

Глагол *не мешать* в составе данной схемы оказывается специализированным на выражении охарактеризованного выше значения, тогда как *стоит* имеет бóльшие семантические возможности, с его помощью выражается отсутствие необходимости и невозможности (также в мягкой, осторожной форме). См. пример первого: *...чтоб перебежать из подъезда в подъезд, не стоило и пальто надевать* (Леонов. Вор); пример второго – *Они поспорили – спорить с ним в эти дни не стоило, они покричали – начал плакать сын, они перестали разговаривать* (Битов. Жизнь в ветренную погоду).

Волеизъявительная необходимость - также весьма типичное значение для схемы Inf Vf, причем, в большей степени регулярно схемой выражается односубъектная волеизъявительная модальность, или желательность.

Для ее выражения используется более 10 глаголов и аналитических выражений, самым частотным из которых без сомнения должен быть назван глагол *хотеться*, который обнаруживает в составе данной схемы весьма широкие семантические возможности. Являясь наиболее общим выразителем значения желательности, этот глагол может при определенных контекстных условиях обозначать и более сложные модальные значения, где желательность выступает в соединении с другими семантическими компонентами. Все другие показатели, используемые для выражения данного значения, посредством схемы Inf Vf, оказываются более специализированными и выражают желательность в сочетании, как правило, с каким-либо дополнительным компонентом.

Нетипичны для данной схемы, но все-таки представлены среди ее реализаций предложения, в которых выражается односубъектная волеизъявительная модальность с эмоциональным или интеллектуальным основанием. Этот вид оценок выражается в схеме Inf Vf с помощью всего нескольких глаголов: *интересовать, соблазнять* – крайне малоупотребительных: *Я предпочитаю холсты Леже машинам. Быть рабом недохотворенных существ меня не соблазняет* (Эренбург. Годы, люди, жизнь).

Выражение волеизъявительной необходимости средствами данной схемы регулярно осложняется компонентом «независимость от воли субъекта» и даже «противоположность его воле». Условием для возникновения этого значения в

рамках схемы Inf Vf является отсутствие здесь возможности прямого наименования субъекта оценки – формой им. падежа.

Выражение таких значений имеет семантическое последствие и для пропозитивного блока соответствующих предложений: ситуации или являются деагенсивными, или обязательно переосмысляются в предложении, приобретая семантический признак «деагенсивности».

Для выражения этого значения используются такие глаголы, как *клонить*, *манить*, *тянуть*, *подмывать*, *не терпеться*, *приспичить*, *вздуматься* и др., а также аналитические образования типа *придти / взбрести на ум / в голову / на мысль* и т.п. См. примеры: *Спать что-то клонит*, - сказала виновато Настасья и зевнула (Казаков. Странник); ... так манит сойти где-нибудь на маленькой пристани, остаться в тишине, в росистом холоде (Казаков. Трали-вали); *Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то* (Бунин. Учитель); *Сборы заняли у Настены не больше десяти минут, а ей показалось – час, до того не терпелось бежать* (Распутин. Живи и помни); *Самолубивому мальчишке вздумалось навести лоск на поблекшее в забвении имя маркграфов* (Федин. Города и годы).

Как видно из примеров, некоторые из приведенных показателей дополнительно осложнены и фазисным значением начинательности (*вздуматься, взбрести в голову...*); многие из них могут осложняться таким компонентом, используя словообразовательные возможности (*тянет → потянуло*); или фазисные глаголы – *стать*, чаще всего (*стало манить, стало не терпеться...*). Глагол *хотеться*, используя тот и другой способ, выражает все значения фазисности: начинательность (*захотелось, стало хотеться*); продолжение (*продолжало хотеться*); окончательности (*расхотелось, перехотелось, перестало хотеться*).

Компонент «независимость от субъекта оценки» может выражаться в предложениях с *хотеться* аналитически – введением специальных показателей типа *неволью*: *И тогда неволью хочется заткнуть все щели кругом, откуда может появиться этот подросший, по неизвестному нам поводу улыбающийся потомок...* (Леонов. Вор); *Глаза слипались, и надо было ежеминутно что-то делать со своим лицом, да и со своим телом, которому неудержимо хотелось*

растянуться на постели (Каверин. Освещенные окна). В некоторых случаях наличие такого компонента создается без специального лексического показателя, это происходит в сложных предложениях за счет деагенсивности пропозитивного содержания других предикативных единиц. В таких случаях происходит своего рода семантическое согласование, и компонентом «деагенсивность» наделяются все пропозиции ряда, см. примеры: *Гроза омыла Москву 29 апреля, и стал сладостен воздух, и душа как-то смягчилась, и жить захотелось* (Булгаков. Театральный роман); *он знал, что нездоров, но ему с отвращением не хотелось быть больным в это время* (Достоевский. Братья Карамазовы); *Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться вверх* (Гоголь. Мертвые души).

Односубъектная волюнтативная необходимость при выражении в схеме Inf Vf достаточно регулярно осложняется компонентом «степень категоричности оценки», которая в данном случае осмысливается как «сила желания». Этот семантический компонент чаще всего содержится в составе семантики лексических показателей, по этому признаку можно противопоставить такие глаголы, как *клонить, манить, тянуть* (выразители относительно некатегоричных, несильных желаний) глаголам – *не терпеться, приспичить, подмывать* (выразители сильного желания). Возможно выражение сильного желания и с помощью глагола *хотеться* – введением специальных лексических показателей типа *очень, сильно*, и под., например, *Мне смертельно хотелось спать* (Паустовский. Повесть о жизни).

Дополнительные компоненты «независимость от воли субъекта» и «категоричность» часто выступают совместно.

Двусубъектная волюнтативная необходимость выражается в схеме с помощью рефлексивных глаголов типа *поручаться, рекомендоваться, предписываться*, а также аналитическим выражением *вменяться в обязанность*. Особенность выражения этого модального значения средствами этой схемой – устранение субъекта оценки (не являющегося обязательным, но типичным).

Здесь обнаруживается синонимия моделей Inf Vf и Inf Adj f, последняя схема выражает аналогичные оценки с использованием страдательных причастий тех же глаголов (*поручается – поручено; было предписано – предписывалось*).

При этом материал показывает, что использование причастий более продуктивно в современном русском языке.

Возможность выражается в составе схемы Inf Vf с помощью более трех десятков глагольных форм.

Большая их часть (около двух десятков) выражает собственно возможность / невозможность. К выражению невозможности естественно привлекаются отрицательные дериваты глаголов, выражавших необходимость (*не годиться, не приставать, не пододать* и т.д.). Возможность / невозможность в чистом виде выражается буквально двумя - тремя показателями: *довестись, привести, случиться* – см. примеры: *С ним мне случалось встречаться в университете* (Каверин. Освещенные окна); *Мне привелось видеть почти всех тогдашних вождей Февральской революции* (Паустовский. Повесть о жизни). В остальных же – более многочисленных – случаях возможность осложняется, чаще всего компонентом – «общая оценка ситуации». Это составляет специфику схемы Inf Vf.

Среди показателей такого значения наиболее употребительны глаголы *удаваться, посчастливилось, везти (повезти)*: *Лишь великим поэтам удавалось выйти с честью из вечной схватки двух соседствующих, соперничающих, взаимноревнующих стихий: звука и слова* (Ахмадулина).

Семантика *удалось* включает еще компонент «осуществленность ситуаций», который выявляется при сопоставлении таких предложений: *Он может уехать* (осуществленность не выражена никак) и *Ему удалось уехать* (осуществленность ситуации несомненна).

Компонент, заключающийся в указании на некую непропорциональность осуществления ситуации как результата усилий пропозитивного субъекта и самих этих усилий – также составляет элемент семантики глагола *удаваться*; таким образом, такого рода оценкам подвергаются ситуации, в которых пропозитивный субъект не является агентом, они обязательно характеризуются деагентивностью или приобретают такой семантический компонент при сочетании с рассматриваемыми показателями. Именно этот компонент различает такие

предложения, как *Он смог ее увидеть* и *Ему удалось / посчастливилось ее увидеть*.

Между собой три указанных глагольных формы различаются степенью категоричности положительной оценки ситуации: глаголы *повезти* и *посчастливиться* указывают на ее категоричность.

Сочетание невозможности с отрицательной оценкой ситуации представлено в показателях типа *угораздить, дернуть, надоумить, не хватать, недоставать*. Семантика первых трех показателей включает компонент «осуществленность ситуации», поэтому они употребляются преимущественно в форме прошедшего времени: *На лекциях вопросы сыпались как горный обвал – красноармейцы хотели все знать. Упомяни он о чем-нибудь – давай подробно. Дернуло его обмолвиться о декабристах, - давай их сюда, рассказывай* (А. Толстой. Хождение по мукам); *и как тебя угораздило со мной столкнуться – не пойму* (Распутин. Живи и помни).

К этой же группе должен быть отнесен редко употребляемый в схеме Inf Vf глагол *грозить*: *Им уже грозило устать так смеяться, начать вымучивать смех, пытаясь продлить его, а потом вдруг посмотреть друг на друга холодными глазами отчуждения* (Битов. Такое долгое детство). Таким образом оцениваются ситуации, предполагающие активные, но не предвиденные, произвольные действия пропозитивного субъекта.

Глаголы *не хватать* и *не доставать* включают в свою семантику компонент «неосуществленность ситуации» и включение в ее ряд некоторых нежелательных ситуаций (как правило, представляется, что она завершает такой ряд и является наиболее нежелательной), часть из которых уже могли иметь место. Такая сложная семантика выражается, кажется, только с помощью двух указанных глаголов и составляет специфику рассматриваемой схемы. См. пример - *...где-то уже лынул весенний ливень, может быть с градом. Не хватает еще попасть под душ, - подумал Дибич, набавляя шаг и пригибая голову против ветра* (Федин. Необыкновенное лето); - *Все сердиться на меня – Нет – зачем? Вот еще не хватало мне – сердиться на тебя* (Распутин. Встреча); *Это сбывается на*

дневник влюбленной девчонки. Недостает только поставить инициалы или нарисовать пронзенное сердце (Эренбург. День второй).

Остальные показатели этой группы (*выпасть, привести, случиться* и по.) индифферентны к общей оценке ситуаций и соединяются чаще всего с наименованиями ситуаций, не имеющими специальной оценки.

Для глагола *прийтись/приходиться* положительная оценка ситуации – обязательное условие для возникновения значения возможности; при отрицательной общей оценке ситуации данный глагол обозначает обусловленную обстоятельствами необходимость, или вынужденность; ср.

В то время я жил в Москве.

На масленице мне пришлось

быть в большом театре – на

«Риголетто» (Вересаев.

Японская война);

-Боже мой, чего только не

приходится видеть и

слышать человеку! (Чехов.

Рассказ без конца).

Перед отъездом пришлось целую

неделю отдежурить в мастерских

(А.Толстой. Хождение по мукам);

Говорит он всегда красноречиво и

долго, так что иногда в особенности

на купеческих свадьбах, чтобы

остановить его, приходится

прибегать к содействию полиции

(Чехов.Оратор)

Отрицательность ситуации создается либо пресуппозитивно (...*прибегать к содействию полиции*), либо содержится в семантике лексем, привлеченных к номинации оцениваемой ситуации – целую неделю=много. Иногда отрицательное восприятие оцениваемой ситуации поддерживается специальным лексическим показателем: *Поневоле пришлось вспомнить то недалекое прошлое, когда неразумно проживалось отцовское добро* (Чехов. Кошмар).

Таким образом, можно говорить о двух показателях оценочности: *прийтись¹* –со значением возможности и *прийтись²* - со значением

вынужденности; они различаются сочетаемостью с пропозитивным содержанием, включающим компонент оценки.

Этот пример подтверждает существенность двойной оценочности для выражения модальной оценки возможности средствами схемы Inf Vf.

Семантика глаголов, с помощью которых в составе рассматриваемой схемы выражается преимущественно невозможность (*не подобать, не годиться, не приставать*) или только невозможность (*не следовать, не полагаться*), осложнена, как правило, компонентом «прескриптивность»: *Он думал, что в доме будущего инспектора не подобает непочтительно говорить о вельможах* (Соллогуб. Мелкий бес); *Не годится, говорил я, не годится уважающему себя автору допускать себя до таких вещей* (Битов. Путешествие к другу детства); *...хвастаться мужчинам не пристало* (Лифшиц); *За труд под солнцем бывает и воздаяние. Не следует ни недооценивать, ни переоценивать его размеров. Следует – благодарить* (Битов. Птицы...); *Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей* (Бунин. Цифры).

Волеизъявительную возможность выражают в рамках схемы около 10 рефлексивных глаголов, страдательные причастия от которых участвуют в создании аналогичного значения в схеме Inf Adj f (*дозволяется – дозволено, предоставляется – предоставлено* и т.д.). Выражение такого значения сопровождается характерным для схем блока устранением субъекта оценки, дающим значение его несущественности или неизвестности: *Мне дозволяется хандрить, ибо я живу в пустыне, я без дела, не вижу людей, бываю болен почти каждую неделю, а ты?* (Чехов, из писем); *Унтер-офицерам и вице-унтер-офицерам запрещалось быть в одной квартире с солдатами* (Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара); *Лева дается подумать о том, как не насущны его личные дразги, какое это все не то...* (Битов. Молодой Одоевцев).

Семантика глагола *остаться / оставаться* (как она проявляется в схеме Inf Vf) гораздо сложнее: она состоит в указании на осуществление ситуации, обусловленное обстоятельствами, чаще всего тем, что эта ситуация представляется закономерно заключающей некий ряд ситуаций, уже осуществленных. Именно поэтому в предложениях с глаголом *остаться* так

часто употребляются частицы ограничительной семантики *только, всего*, и иногда имеются указания на осуществляемый ряд ситуаций или результат, ради которого он осуществляется. Компонент «положение оцениваемой ситуации в ряду других» объединяет данный показатель с такими как *не хватает* (а также *достаточно, лишнее* в схеме Inf Adj f), однако он не сочетается с компонентами «оценочность ситуации» и «осуществление ситуации»: *Мне указали кратчайший путь на ту сторону. Осталась только лестница. Я слышу уже голоса. Осталось одолеть только несколько ступенек* (Олеша. Зависть); *Да в одном том, что этот мой телефонный голос был терпеливо, без брезгливости выслушан – есть такая вера, такое ожидание, и такая надежда, что остается только удивляться благосклонности моей судьбы* (Битов. Азарт).

Прогностическая модальная оценка выражается в схеме самыми активными в этой сфере глаголами *предстоять* и *остаться*, несколькими рефлексивными глаголами соответствующей семантики (*намечаться, планироваться, предусматриваться, предполагаться*) и аналитическими глагольными выражениями типа *входить в чьи-либо планы / намерения*.

Глагол *предстоять* выражает собственно прогностическую оценку в наиболее «чистом» виде – *Это было поколение, которому предстояло увидеть войну и революцию. Для России это было поколение, которому предстояло увидеть конец старого мира* (Шкловский. О Маяковском). Этот глагол можно признать самым регулярным средством выражения данного модального значения не только в рамках этой схемы.

Все другие перечисленные средства служат для выражения волеизъявительной прогностической модальности, причем только аналитические выражения предполагают конкретное наименование модального субъекта – использование рефлексивного глагола предполагает устранение модального субъекта из описания, по разным причинам: *В наши планы не входит особенно привлекать к себе внимание* (Булгаков. Белая гвардия); *В его намерения входило узнать временное местопребывание купца и вернуть ему дебри с произнесением некоторых слов* (Леонов. Русский лес); *Торжество умножилось и тем, что одновременно чувствовать предполагалось и другого знаменитого литератора –*

Егора Агапенова, вернувшегося из своей поездки в Китай (Булгаков. Театральный роман).

Случаи выражения оценочности с помощью схемы Inf Vf немногочисленны и, как правило, не частотны – т.е. не типичны для схемы.

Нормативные оценки выражаются в схеме, будучи регулярно осложненными фазисным компонентом «начинаемость», при этом регулярно используется глагол *входить* (*входить в обычай, практику, моду* и т.д.), и глаголы типа *повелось*: *Так, с тех пор, должно быть и повелось думать, что с Петербургом нечисто* (А. Толстой. Хождение по мукам); *С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что понимает он под словом народность* (Пушкин. О народности в литературе); *У нас вошло в моду порицать элегии, как в старину старались осмеять оды* (Пушкин. Стихотворения Евгения Баратынского); *Он был тяжело болен, но чувствовать себя больным давно вошло в привычку, он не обращал на это ни малейшего внимания* (Бунин. Веселый двор).

Возможно выражение в схеме нормативных оценок, имеющих в виду последствия осуществления оцениваемых ситуаций; при этом используются глаголы *вредить, молодить* и аналитические выражения *приносить вред, мешать чему-либо, ни к чему не служить, наделать много скандалу*: *Не повредило бы ему так поздно сидеть?* (Достоевский. Идиот); *Узнать, правда ли, было нелегко и во всяком случае наделало бы много скандалу* (Герцен. Былое и думы); *...в сущности, он теперь был ей совсем чужой человек, а думать о прошлом – это и утомительно и не приводит ни к чему хорошему* (Бунин. На даче).

Более редкие случаи выражения нормативных оценок представляет употребление в схеме глаголов *согласоваться, противоречить, подходить*: *Начать мою жизнь этими каудинскими фуркулами науки далеко не согласовалось с моими мыслями* (Герцен. Былое и думы); *...свезли дырявые венские стулья на дачу, и там им так подошло стоять на участке под дождем...*

(Битов. Солдат). Совершенно очевидно, что приведенные примеры являют собой редкие, уникальные случаи, что исключает какие-либо рассуждения о продуктивности названного класса оценок для схемы.

Интересно отметить выражение в схеме общих оценок на эмоциональном основании. К модальности данная группа присоединяется альтернативой компонентов «желательность / нежелательность». Модальный компонент в таких случаях является «следствием» эмоциональной оценки, т.е. нравится, следовательно желаю осуществления этой ситуации, и напротив – не нравится, следовательно эта ситуация представляется нежелательной (ср. схема Inf Adj f с показателями *невыносимо, нестерпимо*).

Выражение этой сферы оценочности в схеме Inf Vf характеризуется, во-первых, преобладанием отрицательных показателей (ср. *надоест, наскучить, приесться, опротиветь, осточертеть, обрыднуть, претить* – выразители отрицательной оценки – и *нравится* да еще редко употребляемое *приглянуться* – выразители положительной оценки); во-вторых, регулярностью осложнения компонентом «степень категоричности», при этом на полюсах соответствующей шкалы могут быть расположены такие показатели, как *не нравится, надоело* (умеренная категоричность оценки) и *обрыдло, осточертело* (крайняя ее степень). См. примеры употребления: *Ах, как нравится им доказывать то, что в доказательствах не нуждается, что доказывать легко, заранее зная, какое внутреннее удовольствие получишь от этого* (Астафьев. Последний поклон); *Давайте немного пешком пройдемся, - попросил он доктора. – Надоело сидеть.* (Чехов. Следователь); *Мне лично претит быть любимцем Рабиндраната Тагора* (Ильф, Петров. Золотой теленок); *Мне опротивело писать, и я не знаю, что делать* (Чехов, из писем); *Мне уже обрыдло, - гремела бодренькая старенькая мама, - возиться с этой ненормальной дурой* (Паустовский. Повесть о жизни).

Очень редки случаи выражения схемой Inf Vf не прямых оценок – через наименование эмоциональных состояний, вызванных осуществлением оцениваемой ситуации. Это производится с помощью глаголов *льстить, забавлять, радовать* и аналитических выражений типа *доставлять удовольствие / удовлетворение*: *Главное, ему как будто приятно было и даже льстило*

разыгрывать перед всеми свою смешную роль обиженного супруга (Достоевский. Братья Карамазовы); Меня забавляло наблюдать людей (Тургенев. Ася); За покупками приходилось ходить в другие деревни; меня только радовало таскать кошельки – помогать маме (Эфрон. Страницы былого); Ему доставляло даже тайное удовольствие слегка мучить беззащитного перед ним друга (Тынянов. Кюхля).

Таким образом, все приведенные факты и примеры должны иллюстрировать мысль о специализации схемы Inf Vf в выражении модальности. Еще одним свидетельством этого являются примеры проявления схемной семантики, обнаруживающие явную тенденцию поворота к модальности как в фактах регулярных (модальность глаголов *тянет, подмывает* в составе схемы Inf Vf), так и в фактах уникальных – авторского, единичного употребления: *Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Таха и как смогу держать себя я (Распутин. Уроки французского); У меня бы и руки на себя не заржавело наложить, да ребятишек куда? (Распутин. Живи и помни); Если б получилось умертвить, начисто забыть то, чем он жил раньше, было бы намного легче – да не получится (там же); Особенно смущало вас Идти так поздно в ночь и холод (Цветаева).*

II.4. Структурная схема Inf Adj / N2...

Схема Inf Adj / N2... – наименее продуктивна из всех схем блока, продуктивность ее может быть определена цифрой порядка трех – четырех десятков словоформ.

Оценивающую позицию в схеме занимают несколько наречий (*можно, нельзя надо, кстати*) и адвербиальных по значению предложно-падежных конструкций (типа *в диковинку, в чьих-то интересах, к лицу кому-либо* и т.д.).

Схема выражает узкий круг модальных оценочных значений: необходимость, возможность/невозможность и тесно связанные с этими значениями общенормальные оценки. Однако особенности схемы, ее

характеристические признаки составляют не набор значений, а характер их представления, а именно – актуализированность признака основание.

Такое семантическое свойство схемы связано с морфологической природой модального оценочного компонента, включающего, как правило, форму имени, называющего факт действительности, являющийся основанием, мотивировкой модальности. Этим объясняется и расположенность данной схемы к выражению нормативных оценок, необходимо включающих компонент основание.

Второй особенностью схемы является то, что основание оценки связано, как правило, с пропозитивным субъектом, т.е. оценки мотивируются не внешними обстоятельствами, а определенными свойствами самого производителя ситуации. Из этого следует, что: во-первых, оценке в такого рода конструкциях подвергаются события (ситуации), осуществление которых зависит от субъекта, предполагает его активное участие и определенным образом связано с теми или другими его данными; во-вторых, в качестве оценивающего компонента выступают адвербиальные формы имен, называющие существенные «данные» пропозитивного субъекта (сила, воля, характер, привычки, интерес, средства) и т.д., в-третьих, в таких адвербиальных формах имеет место обязательная позиция для формы с субъектным значением (*в чьих-то интересах, в чьих-то привычках / характере, невтерпеж кому-то* и т.д.).

Собственно необходимость в наиболее чистом виде выражается в схеме при включении в нее такого частотного показателя модальности, как *надо*, который вместе с отрицанием выражает отсутствие необходимости, и ведет себя аналогично адъективным и глагольным модальным показателям (*необходимо, следует* и т. д.), т.е. здесь можно говорить о синонимии моделей, см. примеры: *Ему вдруг не надо стало поспевать куда-то к условленному часу, не надо стало ждать автобусов, которые то опаздывали, то не открывали дверей* (Битов. Жизнь в ветренную погоду).

Волеустремительная необходимость (только односубъектная!) – более типичное значение для схемы Inf Adj / N2..., около 10 адвербиальных форм привлечено к его выражению. Все они выражают это модальное значение, осложняя его характерным для схемы компонентом «основание оценки»: *в интересах, в*

мыслях, в охоту, а также выражают желательность с двойной оценочностью – *по душе, в удовольствие*. Все эти показатели предполагают обязательную позицию с субъектным значением и появляются, таким образом, в предложениях с конкретным субъектом оценки, см примеры: *У меня и в мыслях не было тебя попрекать. Само сказалось* (Распутин. Живи и помни); *Петру за билетами идти было явно не в охоту* (Малышкин. Люди из захолустья); *И Поле, видимо, в удовольствие было досуже щебетать перед таким согласивым и степенным слушателем* (там же).

Доступно данной схеме осложнение односубъектной волюнтативной необходимости компонентом «категоричность», два крайних положения на этой шкале представляют собой показатели *не прочь* (осторожное, не настойчивое желание) и *невытерпел* (сильное желание, ср. *не терпелось* в схеме Inf Vf): *Теперь этот покровитель искусств не прочь украсить свой реставрированный титул новыми лаврами* (Федин. Города и годы); *Если уж Леону было совсем невытерпел послушать «Мурку», то он мог прийти к ним домой, и Чик ему спел бы ее* (Искандер. Ночь и день).

Самое значительное число адвербиальных форм, выступающих в составе схемы Inf Adj / N2... (около двух десятков), выражают модальность оценки возможности / невозможности.

В неосложненном виде она выражается наречиями *можно, нельзя* (весьма частотными показателями): *Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей* (Пушкин. Евгений Онегин); *Если уж очень многого ждать от встречи, то можно забыть сказать «здравствуйте»* (Битов. Уроки Армении); *И, главное, поделаться ничего нельзя было, не ругаться же с душевнобольным!* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Все другие показатели этой группы выражают возможность / невозможность, осложненную характерным для схемы компонентом «основание оценки», заключенным, как правило, в значении существительного (*в чьей-либо власти / воле; по средствам / не по средствам* и т.д.). В этом случае невозможность выражается гораздо чаще, чем возможность. См. примеры: *Всего, что знал еще Евгений, пересказать мне недосуг* (Пушкин. Евгений Онегин);

Теперь я знаю: в вашей воле меня презрением наказать (там же); В твоей ли, ничужка ничтожная, власти Безмолствовать в этом сияющем храме? (Заболоцкий. Соловей); Они уже считались взрослыми, почти студентами, и драться им было не к лицу (Паустовский. Повесть о жизни); Держать домашнюю работницу было не по средствам, и бабушка взяла на себя ведение хозяйства (Либединская. Зеленая лампа).

Из нормативных оценок, соединяющихся с модальными через альтернацию компонентов необходимость / возможность прескриптивного характера, схемой Inf Adj / N2... выражаются общенормативные оценки типа *в диковинку, внове, впервые, в самый раз, ко времени, кстати: Егору и самому в диковинку было лететь чуть ли не за полторы тысячи километров... рассказывать сказки (Шукшин. Как зайка летал на воздушных шариках); О, мне не привыкать, мне не впервой, не внове Взять в кожу, как ожог, внимание ваших глаз (Ахмадулина); А лакеем быть тебе, с твоей рожей, братец, в самый раз! (Островский. Лес); Наскучило уже, да и некстати О знаменитом друге рассуждать (Ахмадулина).*

Часть показателей этой группы (которых всего более полутора десятков) выражает нормативные оценки с обоснованием, указание на которое содержится в значении имени, входящего в состав адвербиального выражения: *в духе кого-то, в натуре кого-то, в обычае кого-то, в правах кого-то, в характере кого-то.* Все такие выражения, как видно из списка, предполагают обязательную субъектную позицию и обозначают оценки с конкретным субъектом: *Он по-прежнему бодр, жизнерадостен, преисполнен любви к труду. Не в его натуре нить (Бунин. Интервью); Бросать деньги на чужие прихоти, это было не в его характере (Чернышевский. Пролог).*

II.5. Структурная схема Inf N1

Существительное в принципе не предназначено для выражения оценочности, но легко приобретает такую способность. Одним из условий такого семантического перевоплощения является участие в составе схемы Inf N1.

Приобретение оценочности существительными – весьма распространенное явление, оно происходит за счет актуализации факультативных (ассоциативных, по В. Г. Гаку) семантических компонентов, и – соответственно – гашения собственно номинативных. Вообще говоря, последнее не так уж существенно для схемы, т.к. к функционированию в схеме привлечены имена, главным образом, абстрактной семантики, денотативная соотнесенность их не создает затруднений для возникновения оценочности. Привлекаются и имена конкретной семантики, значительно переосмысленные, например, существительное *голгофа* используется для выражения отрицательной оценки через эмоциональное состояние – *Если б вы знали: в переживаемое время работать факиром – это голгофа* (Леонов. Золотая карета).

В общей характеристике блока ДИП уже было отмечено, что схема Inf N1 оказывается более сложно устроенной, чем схемы Inf Adj f, Inf Vf, Inf Adv/N2..., что проявляется в наличии в схемной семантике логической пропозиции. Оценочность она выражает через посредство логической операции, состоящей в установлении отношений между оцениваемой пропозицией и понятием, называемым существительным.

Предложения, построенные по схеме Inf N1, могут выражать и только логическое, квалификативное значение. В таких случаях, во-первых, существительное выступает в своем прямом значении; во-вторых, не имеет при себе присловных распространителей оценочной семантики; в-третьих, обнаруживается включение связочных средств типа *состоять, заключаться в том, чтобы*, эксплицитно выражающих собственно логические отношения. Яркий пример такого рода представляет собой такое, например, предложение: *Вадим уехал на фронт. Настала весна. Вся моя жизнь была – ждать его* (А. Толстой. Хождение по мукам). (ср.: ... моя жизнь заключалась / состояла в том, чтобы ждать его...).

Благодаря такой расположенности к логической семантике или, может быть, в силу сложившегося узуса, большая часть предложений, построенных по схеме Inf N1, встречается в текстах с логическим содержанием (публицистических, научных), что отличает ее от схем, рассмотренных ранее.

Типы логических пропозиций, получающих выражение средствами данной схемы, здесь не рассматриваются, поскольку главный интерес представляют возможности схемы в выражении оценочности (анализ предложений, построенных по схеме Inf N1, с точки зрения их логического содержания – см. Золотова, 2000:64; на их логическое содержание обращалось внимание и раньше, недаром они рассматривались в традиции среди «предложений тождества» – см., например, Шахматов, 2000:151-152; Пешковский, 1956:275-280).

При характеристике таких возможностей надо сразу отметить, что схеме доступен столь значительный круг оценочных значений, что она может вступать в конкуренцию с самой мощной схемой блока – Inf Adj f (то, что выражение соответствующих оценок схемой с адъективом оказывается нередко более частотным, здесь не принимается в расчет). Кроме того, с помощью схемы Inf N1 могут быть выражены оценки, не подлежащие выражению с помощью других схем (см. об этом ниже).

Главная же особенность схемы Inf N1 состоит в способе создания и представления оценочной семантики.

Для схемы Inf N1 типичен аналитический способ представления оценки. В связи с этим среди заполняющих оценочную позицию схемы имен выделяется более полусотни существительных – экспликаторов.

Их семантика абстрактна, относится к родовым понятиям разного типа. Самые общие из них можно назвать пропозитивными, т.к. они эксплицируют пропозитивность объекта оценки: это такие имена, как *дело, занятие, работа, труд, действие, операция, вещь, штука*. С их помощью может быть выражена любая оценка.

Пример такого универсального экспликатора, отличающегося также и частотностью употребления, – *дело*. С его помощью выражаются: общие оценки – *Милое дело – ночью караулить, а днем отдыхать* (Платонов. Ямская слобода); модальные – градуальная возможность преимущественно – *Стряхнуть яблоко с дерева – дело простое, а вот поймать, да так, чтобы оно оставалось целым – мудреное* (Знание – сила, №6, 1976); но возможны другие модальные значения:

Поэт! Поэт! Совсем не дело ставить тебе поводырем (Северянин); аксиологические – *Великое дело, граждане командиры, мыслить большими категориями* (А. Толстой. Хождение по мукам); оценки последствий осуществления ситуаций: *Спорить с дедушкой дело бесполезное, потому никто с ним не связывался* (Астафьев. Васюткино озеро); этические – *Обращать внимание на их слова стало дело неприличным* (Чернышквский. Что делать?); релятивные оценки через пропозитивный субъект – *Плакать – дело недостойное мужчин* (Вознесенский); *В Екклесиасте сказано, что говорить, что сегодняшний день хуже вчерашнего – это не дело мудрого. Это старческая сказка* (Шкловский. Сергей Эйзенштейн).

Из этих примеров и характера рассмотренного экспликатора (а также таких, как *труд, работа, занятие...*) ясно, что с их помощью оцениваются агенсивные пропозиции, обозначающие поступки – акты сознательной деятельности. См. примеры употребления других экспликаторов подобной семантики, встречающихся реже, чем *дело*: *Вспоминать – необыкновенно интересное занятие* (Кавермн. Освещенные окна); *...это была праздничная, веселая, итожная работа – молоть хлеб* (Распутин. Живи и помни); *Переноситься мыслью и чувством в другое общество было душевное действие, чуждое Алексею Александровичу* (Л. Толстой. Анна Каренина); *Выпить четверть – это не бог весть какая штука, это не ново* (Бунин. Захар Воробьев).

Другую группу экспликаторов, численностью более двух десятков, можно назвать относительно – пропозитивными, т.к. их семантика заключается в характеристике роли данной пропозиции относительно других – это такие существительные, как *цель, функция, средство, способ, путь* и т.д. С их помощью выражается не столь значительный круг оценок, чаще всего общие оценки, но именно они составляют особенность и преимущество схемы Inf N1. См. примеры: *Я знаю истину простую: любить – вот верный путь к тому, чтоб человечество вплотную приблизить к сердцу и уму* (Ахмадулина); *Наиболее разумный выход из этого положения – объединить две организации* (Правда, 20 декабря 1975).

Некоторые другие существительные приобретают такое относительно-пропозитивное значение в составе схемы Inf N1, так существительное *утешение*

означает «средство, способ найти утешение, утешиться», *лекарство* – «средство помочь», *ответ* – «средство ответить на некий поступок, противопоставить ему нечто соответствующее»; см. примеры: *У бессильного одно утешение – злиться* (Чернышевский. Пролог); *Единственное спасение – перевалить горы и по берегу моря усиленными маршами идти в обход на соединение с нашими главными силами* (Серафимович. Железный поток); *Всплывают рыбы с глазками, как капсуль. Единственно возможное лекарство – в них воды Севера вдохнуть* (Вознесенский).

Очевидно, что такие существительные менее экспликативны, и потому оценочность выражается с их помощью реже, чем экспликаторами типа *дело* или *средство*.

Третья группа экспликаторов может быть названа модальной: в нее входят более полутора десятков существительных, так или иначе обозначающих нормативно закреплённые за субъектом ситуации в силу разных обстоятельств (ср. *долг* и *специальность*). Модальный компонент в таких показателях не исчерпывает семантики существительного, но непременно присутствует (в качестве неосновного); у некоторых существительных (типа *профессия*, *специальность*, *карьера*) он появляется в составе данной схемы. См. примеры: *Переводить стихи – моя профессия. Больше я ничего не умею* (Трифонов. Предварительные итоги); *Моя специальность – ковырять землю, и я уже знаю, что это – работа* (Битов. Одна страна); *Сидеть сиднем в деревне, не видать жизни, почитывать и пописывать спустя рукава – карьера не блестящая* (Бунин. Жизнь Арсеньева).

Более всего используются экспликаторы явно модальной семантики типа *долг*, *задача*, *назначение* и под. С их помощью выражаются чаще всего аксиологические оценки – через перифрастические выражения типа *основной долг*, *главная задача*, *великое назначение*: ... *разбить стекло, напакостить в избушке, высечь надпись топором на стене или ножиком на столе – это уж непременный долг современных ночевальщиков* (Астафьев. Царь-рыба); *Пройти пешком четыре версты полем, да еще в потемках – перспектива неприятная* (Чехов. Огни).

Кроме этих трех основных и достаточно многочисленных групп экспликаторов, можно говорить о нескольких выразителях логических отношений (*знак, признак, примета*), с помощью которых формируются релятивные оценки – через другие ситуации или через пропозитивный субъект: *Быть впереди своего времени – это и есть главный признак подлинного художника* (Катаев. Чехов); *Примета пустоты – за событиями гнаться, примета Гончаровых – внешние события гнать* (Цветаева. Наталья Гончарова).

Несколько экспликаторов называют классы имен, используемых для выражения релятивных оценок: *качество, свойство, ощущение, состояние, чувство*. С их помощью выражаются соответствующие оценки аналитическим образом: *Дикое это ощущение – плыть в тумане!* (Казаков. На Мурманской банке); *Вы литератор, литератором и останетесь. Естественное же состояние литератора – это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой* (Чехов, из писем); *Весенний сырой ветер крепко дует в голых лозинах, а на них немолчно орут только что прилетевшие грачи...Ни с чем не сравнимое чувство – слышать их в первый раз после шестимесячной зимней смерти* (Бунин. Последняя весна).

Возможно аналитическое выражение и нормативных оценок – с помощью экспликатора *норма*, см., например: *Эрлом идет трудной прежде всего ему самому, но своей дорогой. И поскольку не изменять своему развитию – есть норма писательской честности, он ему не изменяет* (Битов. Выбор натуры) – специальная оценка. Общими признаками всех перечисленных групп экспликаторов являются их двойственная семантическая роль (формирование предложений логического содержания и оценочного) и обязательность аналитического способа представления оценки. Сам круг оценок, выражаемых при помощи экспликаторов, определен точно быть не может. Стоит заметить однако, что наличие аналитического способа выражения оценки расширяет семантические возможности схемы и позволяет выразить такие оценки, для которых нет специальных наименований (см., например, *ни с чем не сравнимое чувство* или *норма писательской честности*).

Синтетически схемой Inf N1 выражается модальность.

Прогностическая модальность может быть выражена с помощью существительного *неожиданность*: *Теперь для нас не будет большой неожиданностью узнать об условности кинематографического пространства* (Шкловский. Тетива).

Необходимость выражается в схеме небольшим количеством существительных: *необходимость, пора, доля, удел, судьба* и пд. См. примеры: *Видеть ежедневно Олесю, слышать ее милый голос и звонкий смех, ощущать нежную прелесть ее ласки стало для меня больше, чем необходимостью* (Куприн. Олеся); *Солнце село, и мне пора было идти домой* (Тургенев. Ася); *Видно, судьба тебе со мной жить* (Горький. Детство).

Необходимость с компонентом «некатегоричность оценки» выражается сочетанием *не грех* (в то время, как существительное *грех* выражает в схеме нормативную этическую оценку): *Парашкину мужу было бы не грех приютить почти совсем слепую, слабую, слезливую старуху, но был он не такой человек, чтобы кормить лишний рот* (Бунин. Федосеевна).

Волеятативная необходимость (только односубъектная) выражается в схеме более чем десятком существительных, среди которых есть показатели рациональной желательности (*мысль, принцип, идея*) и эмоциональной (*мечта, охота, страсть, лень*); недифференцированы по отношению к компоненту «основание» существительные типа *желание, потребность*. Например: *Иметь свой дом, собственный, где бы то ни было, хотя бы в слободе, на буерках, и какой угодно – это было заветнейшее желание каждого чиновника, каждого мещанина, каждого сапожника в Стрелецке* (Бунин. Чаша жизни).

Хотя модальность в данных случаях выражается самым существительным, его присловные связи используются для осложнения оценочной семантики – так в приведенном примере компонент «категоричность» – «сила желания» выражается через прилагательное *заветнейший*.

Возможность выражается в схеме более, чем десятью существительными. Большая их часть выражает собственно возможность, особенностью их семантики является конкретность пропозитивного субъекта, поэтому в схему

входят модальные существительные, характеризующие возможности субъекта и имеющие обязательную позицию распространителя с субъектным значением: *воля, право, привилегия, талант*: *Воля исследователя – конструировать объект любого уровня* (Золотова. Очерк); *Юлия Михайловна сказала, что бросаться в атаку – привилегия Николая Васильевича, бывшего конармейца, она же не любительница размахивать шашкой* (Трифонов. Дом на набережной); *Эта книга не обнаруживает в авторе поэта, из нее видно, что его талант – писать сатирические очерки, а не юмористические повести* (Белинский. Русская литература в 1845 году).

Возможно в схеме выражение возможности с общей положительной оценкой (ср. *повезти, посчастливиться* в схеме Inf Vf) – при этом используются существительные типа *удача, везение, чудо*: *...при этом с аппетитом поедается кусок пирога с вязигой, достать которую было чудом, доступным лишь гению Елены Федоровны* (Трифонов. Старик).

Единственный показатель этого модального значения в чистом виде – существительное *возможность* – практически не используется в соответствии со своей лексической семантикой, а участвует в выражении более сложных оценочных значений (при помощи присловных распространителей). С помощью нескольких не очень частотных существительных (*проблема, пустяк, шутка, безделка*) можно выразить схемой значение градуальной возможности: *При современном развитии печатного дела на Западе напечатать советский паспорт – это такой пустяк, что об этом смешно говорить* (Ильф, Петров. Двенадцать стульев); *Что мне сказать? Что Брюсову горька широко разбежавшаяся участь? Что ум черствеет в царстве дурака? Что не безделка – улыбаться мучась?* (Пастернак).

Нельзя не отметить, что все приведенные средства выражения данного значения относятся к периферии кодифицированного литературного языка, относясь скорее к разговорной речи.

Возможно метафорическое употребление существительных для выражения этого значения, например: *И народу всегда – не протолкнешься: поезда редки, получить билет из-за беспорядка и всяческих волокит дело очень трудное, а*

попасть в вагон, тоже, конечно, захолустный, с рыжими от ржавчины колесами, настоящий подвиг (Бунин. Несрочная весна).

Синтетически выражается в схеме и оценочность.

Общие оценки синтетически в схеме практически не выражаются, можно привести буквально несколько имен, позволяющих это делать, не отличающихся частотностью употребления, - *приятность, сказка, идеал* (положительная оценка), *мерзость* (Отрицательная оценка на эмоциональном основании). См. примеры: *Большая также приятность запечатать любовное письмо, медленно одеться, выйти потихонечку из дому и нести это сокровище к почтовому ящику* (Чехов. Любовь); *Но в одном слове этого не выразить. Выразать при помощи многих – мерзость* (Пастернак, из писем). Высшую ступень общей положительной оценки можно выразить с помощью существительного *идеал*, см., например: *Идеал для каждого стихотворения – стать очень интересным письмом к читателю* (Светлов. Зап. книжки).

Нормативные оценки выражаются схемой более регулярно и частотно, здесь она выступает достойным конкурентом схемы Inf Adj f.

Общенормативные оценки могут быть выражены в предложениях с такими существительными в оценочной позиции, как *привычка, традиция, будни, редкость, мода, излишество, дикость...* (всего более десятка): *Для Акима сделалось привычкой ловить каждое ее движение, стон, взгляд* (Астафьев. Царь-рыба); *Прожить нашу эпоху такой открытой жизнью – это редкость* (Гранин. Такая странная жизнь).

Из приведенных примеров ясно, что это нормативное значение легко осложняется компонентом «фазисность» (выражающимся вспомогательными глаголами *стать, сделаться*).

Аксиологические оценки выражаются с помощью существительных *заслуга, достижение, честь...* Все они обозначают оценки абсолютной социальной ценности, в отличие, например, от адъективов в схеме Inf Adj f,

формами типа *ценно, существенно*. См. примеры: *Искать себе врагов прямых, как солнце юга, Открытых, царственных – не велика заслуга* (Матвеева).

Этические оценки могут выражаться в схеме прямо (с помощью таких существительных, как *беда, позор, грех, низость, измена, уступка*), но преимущественно релятивно – через свойства человеческого характера и отношения, имена которых свободно входят в схему и потому не могут быть перечислены.

Примеры прямых этических оценок: *В сапоги засунуты узкие суконные брючки, до того никуда не годные, что и критиковать их даже грех* (Чехов. На реке); *На твое предложение не согласен – выступать в сборнике с 48 строками – позор* (Бунин, из писем).

Среди релятивных оценок этого класса обычной оценки через свойства человеческого характера, имен которых зафиксировано больше двадцати (*героизм, эгоизм, безнравственность, жестокость, кокетство, нахальство, отсталость, свинство, трусость* и т.д.), см. примеры: *Жеглов понял многое в отношениях мужа и жены, а прежде всего – что было великой неделикатностью дразнить ее распросами о счастье* (Леонов. Сеть); *Не узнавать себя в пасквиле безымянном, но явно лично направленном, было бы малодушием* (Пушкин. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений); *...и все мне кажется, что лечиться, как лечимся мы (т.е. я и эти барыни) – это препротивный эгоизм* (Чехов, из писем); *Трапеза была приготовлена, меня пригласили, и я понял, что отказаться было бы неслыханным пижонством* (Искандер. Созвездие Козлотура).

Имена отношений в меньшем числе, но все-таки привлекаются к выражению этических оценок (*издевательство, пренебрежение, уважение, фамильярность* и под.): *Мать была убита этой фразой. – По-моему издевательство так говорить с родственниками! – возмущалась она сквозь слезы* (Трифонов. Другая жизнь).

Весьма характерно для схемы выражение оценок логической деятельности, что вполне согласуется с ее расположенностью к выражению логического

содержания. При этом в схему вводятся имена, характеризующие результат (как правило, отрицательный) оцениваемой ситуации типа *бессмыслица, ошибка, натяжка, преувеличение, упрощение* и под. (всего более двух десятков); а также названия качеств, определяющих интеллектуальную деятельность человека типа *глупость, наивность, безумие, справедливость* и т.д. Возможности выразить оценки логической деятельности у схемы Inf N1 шире, чем у схемы Inf Adj f, так как не все существительные такой «логической» семантики имеют соответствующие им прилагательные: *Было бы величайшей натяжкой объяснять это разнообразие жанров противоречивостью настроений или романтическими переходами из одной эмоциональной тональности в другую* (Семенко. Жизнь и поэзия Жуковского); *Было бы упрощением рассматривать конструкции типа считался добрым ... в одном ряду с конструкциями был добрым, стал добрым...* (Золотова. Очерк); *...нам кажется уступкой традиционной грамматике рассматривать этот падеж как обычное дополнение при безличном сказуемом* (Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений...).

При выражении релятивных оценок в схеме Inf N1 можно отметить случаи синонимических отношений ее со схемой Inf Adj f, ср. *радостно – радость, скука – скучно, стыдно – стыд*. Эта параллельность нарушается в случае отсутствия корреляций между существительными и прилагательными; см. примеры: *Ездить теперь такая мука, что поездки в Петроград и в Одессу совершенно отбили у меня охоту к дальнейшим путешествиям* (Бунин, из писем); *Много сюжетов, которые киснут в мозгу, хочется писать, но писать не дома – сухая каторга* (Чехов, из писем).

Преимущества схемы Inf N1 здесь сказываются в том, что за счет присловного распространения имени в предложения легко вводятся дополнительные компоненты значений, например, «категоричность оценки».

II.6. Структурная схема Inf Inf

Особенность схемы Inf Inf по сравнению со всеми другими схемами блока состоит в том, что ее продуктивность не может быть определена в цифровых

показателях. Оценочность в этой схеме выражается не специальным показателем (которые можно было бы выяснить и подсчитать), а самим наименованием пропозиции с помощью инфинитива. Поэтому описание семантических возможностей данной схемы должно составлять описание условий возникновения оценочных значений и иллюстрации разных таких случаев. Понятно, однако, что это возможно при наличии представления об устройстве семантической структуры таких предложений, закономерностях ее формирования.

Семантика двуинфинитивных предложений привлекала к себе внимание синтаксистов, о чем свидетельствуют замечания о них в общих синтаксических работах. Обращало на себя внимание их логическое содержание, что давало основание рассматривать их среди «предложений тождества» наряду с конструкциями, составленными двумя именами (ср. *Жизнь – это борьба* и *Жить – это бороться* – см. Шахматов, 2000:27). Полипропозитивность их содержания приводила к мысли видеть в них разновидность сложного предложения, выражающую условные отношения (см. *Жениться – перемениться = Если жениться – перемениться* – Пешковский, 1956:278-279, Арутюнова, 1976:306). Отмечалась и оценочность семантики таких предложений (Лекант, 2000:150).

В соответствии с принятыми в настоящей работе взглядами на смысл предложения семантическая структура предложений, построенных по схеме Inf Inf, может быть представлена следующим образом.

Семантический механизм, формирующий смысл предложений, построенных по схеме Inf Inf, достаточно сложен: он предполагает обязательное наличие двух пропозитивных номинаций, логической пропозиции тождества (приравнивания, эквивалентности) и – не обязательной, возникающей при определенных условиях – оценочности.

Наличие в предложении двух пропозитивных номинаций обеспечивается присутствием двух инфинитивов, имеющих разную денотативную соотнесенность: жесткой референтной соотнесенностью характеризуются номинации, заключенные в первом инфинитиве и его окружении, именно с их помощью обозначается ситуация, служащая объектом оценки или толкования,

т.е. непосредственным предметом речи (субъектом, в понимании Н. Д. Арутюновой). Вторая номинация должна быть либо более конкретна, либо более абстрактна, обобщена.

Сформулированное требование к соотношению семантики двух пропозитивных номинаций касается, естественно, не только инфинитива, а всей номинации в целом: разница в степени их конкретности создается за счет соотношения любых лексических элементов в их составе. Это особенно хорошо заметно на предложениях, где в обеих частях употребляется один и тот же инфинитив: *Почти все дети «трудные», только каждый по-своему. Завоевать их внимание – значит завоевать их самих* (Комс. Правда, 14 апреля 1977) – *завоевать их самих* – более общая номинация, чем *завоевать их внимание*, это создается за счет присутствующего в лексике отношения «часть – целое»; *Установить причины этих изменений – значит установить те условия, в которых они могли произойти, а также те условия, в которых они должны были произойти* (Ломтев. Очерки по истории синтаксиса русского языка) – вторая номинация более конкретная, потому, кстати, она требует и более распространенного выражения.

Первая инфинитивная группа всегда соотносится с некой денотативной ситуацией и номинирует ее с такой степенью конкретности, которую позволяют или обуславливают условия текста, пресуппозиции. Inf второй номинации с этими условиями не связан, она должна отличаться от первой по степени конкретности, называя класс ситуаций более или менее обширный или же конкретизируя/обобщая один из элементов обозначаемой ситуации. Наибольший разрыв в степени конкретности представляют случаи, когда во второй части предложений даются номинации, не соотносящиеся не только с данной, но вообще с каким-либо реальным классом ситуаций, содержание их в таком случае максимально абстрагируется и может быть сформировано как «все то, что делать легко/трудно» и т.д. См. пример: *Тебе посадить человека – раз плюнуть* (Шукшин. Мой зять украл машину дров). По этому принципу строятся высказывания афористического характера, и тогда такое абстрактное прочтение получают на первый взгляд весьма конкретные номинации участвующих в

характеристике ситуаций, никак не связанных с их прямым значением: *Жизнь прожить – не поле перейти*; *Чай пить – не дрова рубить* и под.

Еще раз стоит обратить внимание на то, что требование расхождения в степени конкретности относится не к лексической семантике инфинитива, а к характеру номинации в целом. Поскольку на него влияют очень многие факторы, то в отношении неравенства по степени конкретности в том или ином тексте могут входить инфинитивы, по словарным своим характеристикам не различающиеся в этом параметре. Это очевидно на примере таких предложений, как *Понять значит простить*, *Жалеть – значит по крайней мере понимать человека*.

Из анализа содержания подобных предложений ясно, что *простить* в первом предложении и *понимать* – во втором представляются как более конкретные, определенные, чем первые номинации в соответствующих предложениях.

Разница в конкретности/определенности двух объединенных в предложении номинаций, вернее – направленность этой разницы (от конкретности – к обобщенности, или от обобщенности / неопределенности – к конкретности) существенна для семантики таких предложений. Первый случай представляет собой наиболее удобное условие для возникновения оценочности; во втором случае чаще всего возникают интерпретативные отношения.

Таким образом, оказывается, что именно этот признак определяет семантику предложений, построенных по схеме Inf Inf, а его варьирование определяет широту семантических возможностей схемы. Логическое содержание, как правило, исчерпывает смысл двуинфинитивных предложений, если номинации расположены по степени «убывания» обобщенности/неопределенности, это вполне объяснимо: менее определенное толкуется, интерпретируется через более определенное (знакомое), конкретное.

Логическое содержание осложняется, обогащается оценочностью в том случае, когда номинации располагаются по степени «нарастания» обобщенности / неопределенности, что тоже может быть объяснено: оценка некой ситуации совершается через выявление ее эквивалентности с более обширным классом

ситуаций, имеющих определенную оценку, очевидную из пресуппозиции. Такой способ появления оценочности в предложениях, состоящих из двух инфинитивов, имеет два последствия: оценки, выражаемые в таких предложениях, релятивны по способу создания и имплицитны по характеру представления.

Из всего изложенного следует также, что порядок слов (вернее, порядок инфинитивизированных пропозиций) релевантен в данном случае для семантики, а не только для актуального членения предложения, как вообще в русском языке.

Проиллюстрировать изложенные положения можно одним примером: *Ходить быстро – это ходить по 6 километров в час*. При таком порядке вторая номинация безусловно более конкретна, чем первая, что создается соотношением обозначений скорости: неопределенного *быстро* и конкретного *по 6 километров в час*. Номинации расположены по «убыванию» конкретности, и смысл предложения заключается в разъяснении понимания быстрой ходьбы, его конкретизации – т.е. содержание предложения логическое.

При изменении расположения номинаций (*Ходить по 6 километров в час – это ходить быстро*) изменяется направленность в их отношении по признаку «степень конкретности», и семантика предложения включает в себя оценку вполне конкретно обозначенной по одному параметру (скорости) ситуации – *ходить по 6 километров в час*: оценочность сосредоточена в наречии *быстро* и может быть истолкована как нормативная оценка относительно некой желательной меры скорости как нормы. В зависимости от конситуации она может получить положительный или отрицательный знак, ср., например, *Ходить по 6 километров в час – это ходить быстро для вас, вам вредно* или *Ходить по 6 километров в час – это ходить быстро, это уже хорошая скорость*. Знак оценки выявляется введением таких слов, как *слишком, уже, еще* и под.

Трудно сказать, реализации какого рода (логические или оценочные) преобладают среди предложений, построенных по схеме Inf Inf. Да и такие подсчеты вряд ли что-нибудь прояснят в организации смысла таких предложений и возможностях структурной схемы. Важно то, что на основе эквивалентности, тождества двух пропозитивных номинаций постоянно возникает логическое значение интерпретативности и факультативно значение оценки.

Реализация этой возможности имеет место столь часто, что это можно считать характеристическим свойством схемы, которое составляет предмет понимания в данной работе.

Не анализируя логического содержания таких предложений, надо отметить, что, во-первых, оно выражается в схеме имплицитно, иногда получая экспликацию через связки; во-вторых, оно может пониматься как логическое значение интерпретативности и обусловленности. На последнее обращено внимание давно (А. М. Пешковский), проявляется оно реально в синонимических отношениях Inf Inf с конструкциями сложного предложения с союзными средствами типа *если..., то, когда..., то*.

Дифференцировать эти отношения не представляется возможным, и здесь мало что проясняет преобразование в сложные и бессоюзные предложения со значением условно-следственной связи, так как оно возможно практически для любого предложения интерпретативной семантики (например, *Если идти быстро, надо идти по 6 км в час*). См. также предложение с очевидно интерпретативным содержанием: *Любить – значит: соглашаться, снисходить, не замечать, прощать* (Горький. Мои университеты), оно допускает преобразования в сложное предложение типа *Если любить, то надо соглашаться..., Если любишь, то соглашаешься..., Когда любишь – соглашаешься* и под.

Наряду с логическим значением эквивалентности в схеме возможно выражение его противоположности – антитеждества, отрицания эквивалентности, утверждения «неравенства» ситуаций. Средство выражения его – *не*, относящееся ко второй номинации (*Ревновать – не значит любить*), при наличии связок – ставится перед ними.

Особенность логического содержания такого рода состоит в пресуппозитивной эквивалентности называемых ситуаций, т.е. ни одна из номинаций не характеризуется неизвестностью, неопределенностью. Так, приведенное предложение может последовать после обсуждения отношения двух упоминаемых в нем проявлений. Требование определенности нерелевантно для

номинаций, которые имеют в предложении обобщенное значение (*Воевать – не в бирюльки играть*).

Оценочность возникает на основе антитожества, как и на основе тождества – *Я пойду, а то ведь дело делать – не зерно клевать* (Окуджава. Глоток свободы).

Что же касается собственно оценочной семантики, выражаемой с помощью схемы Inf Inf, то помимо двух ее признаков (релятивность и имплицитность), надо отметить, что она чаще всего носит недифференцированный характер, т.е. оценка, выражаемая таким образом, может быть понята как общая (чистая), а может быть конкретизована – понята как этическая, специальная и под. Особенность выражения оценочности в схеме и заключается в ее недифференцированности и тем самым многозначности, большей выразительности (аналогичное явление – недифференцированность отношений между пропозициями в бессоюзном сложном предложении). Между тем такие оценки могут получать экспликацию, что и дает возможность выявить круг оценок, доступных схеме Inf Inf.

Наиболее очевидным образом может быть эксплицирована оценочная семантика в предложениях, где в составе второй номинации используются инфинитивы общей семантики, заключающие в себе экспликацию характера оценки, это инфинитивы типа *проявлять, подражать* и т.д.: *Говорить, что такая организация невозможна, значит подражать тем дряблым старикам, которые считают невозможным все, до чего не додумались их предшественники и современники* (Писарев) – оценка через пропозитивный субъект, ср. *Только дряхлые старики... могут говорить, что организация невозможна; Складывать руки и вздыхать о несовершенствах всего земного, когда люди страдают от собственных глупостей, значит... обнаруживать леность и робость мысли* (там же) – оценка через свойство, (качество); *Не спать ночью – значит каждую минуту сознавать себя ненормальным* (Чехов. Скучная история) – оценка через ощущение, состояние.

Во всех других случаях экспликация может производиться введением прилагательного, называющего имплицитно выражаемую предложением оценку.

Так, предложение *Назвать это формализмом – все равно, что назвать черное белым* (Битов. Жизнь в ветренную погоду) допускает введение таких показателей оценочности как *бессмысленно, абсурдно* – значит, в предложении выражается некая отрицательная оценка логической деятельности. Надо заметить, что этот вид оценок очень часто выражается схемой, это связано (как и для схемы Inf N1) с логическим характером ее семантики, поэтому в составе второй номинации весьма употребительны глаголы со значением интеллектуальной деятельности – *отрицать, утверждать, признавать, выяснять* или аналитические выражения такого рода пропозитивного содержания: *...сомневаться в действительном существовании этой потребности значило бы отрицать множество достовернейших исторических явлений* (Писарев).

Наряду с ними выражаются и другие классы нормативных оценок. Так, весьма обычно для схемы выражение аксиологических оценок; см., например, *Выявить конечный инвентарь предложения соответствующего языка значит дать синтаксису такое же ясное понимание его структурных единиц, их типов и сферы функционирования каждой из них, каким давно располагает морфология* (Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса).

Возможно с помощью схемы выразить нормативные оценки с основанием «мера проявления ситуации для тех или иных целей, результатов» (*много, мало, достаточно, излишне*) – *Назвать Леонардо прекрасным художником – все равно, что сказать о Шекспире: «Талантливый драматург» = ‘Назвать Леонардо...мало, недостаточно’, что подтверждается далее следующим текстом: Это был истинный гений, признанный современниками и обожествленный потомками* (За рубежом, №45, 1977).

Нормативные оценки с основанием последствия осуществления ситуации также можно выразить с помощью данной схемы, см., например, такие предложения: *Жить на такой планете только терять время* (Ильф. Записные книжки); - *Полагаю, говорит, - это бесполезное дело: дураков учить все равно что мертвых лечить* (Лесков. Соборяне); *Лечить такое общество от недугов – все равно что ставить припарки безнадежно больному* (Осиповский. Томас

Мор) – все три предложения допускают замену второй номинации показателями оценочности типа *бесполезно, тщетно* и т.п.

Кроме нормативных оценок, с помощью схемы Inf Inf может выражаться и модальность, чаще всего градуальная возможность, при этом в качестве второй номинации используются фразеологические выражения типа *раз плюнуть*: *Сказку сказывать – это, брат, тоже не блох ловить* (Куприн. Ночная смена).

В результате экспликации такого рода оценочных значений появляются предложения, структура которых представляет собой контаминацию схем Inf Inf и Inf Adj f. Такие предложения встречаются достаточно часто в текстах; их семантическое преимущество заключается в том, что оценка в них называется конкретно, она может быть понята только однозначно, а подтверждение ее, разъяснение и мотивировку составляет вторая пропозиция. См., например: *Прочитать бурсацкий учебник так же легко, как перекусить толстую веревку* (Помяловский. Очерки бursы) – модальность (градуальная возможность); *Да поймите же, что обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или пробирную палату* (Чехов. Беззащитное существо) – общенормативная оценка; *Сказать женщине: «я вас не люблю» - так же неделикатно, как сказать писателю: «вы плохо пишете»* (Чехов. Из записок вспыльчивого человека) – этическая оценка; *Благодействовать господину Лаевскому так же не умно, по-моему, как поливать сорную траву или прикармливать саранчу* (Чехов. Дуэль) – оценка логической деятельности и т.д.

Таким образом, схема Inf Inf со стороны своих семантических возможностей может быть описана только через раскрытие механизма появления оценочности в предложениях, построенных по ней. Семантические возможности схемы носят потенциальный характер и могут быть вполне оценены как весьма широкие, позволяющие по отношению к ситуациям, предполагающим активное или пассивное участие человека (поступков, состояний различного характера), выразить достаточно большой круг оценок, мотивируя их, разъясняя соотносением, приравниванием к другой ситуации. Источники оценочности в

таких случаях – пресуппозитивные представления и лексическая семантика слов, привлеченных ко второй номинации.

III. Приобъектный инфинитив

III.1. Приобъектный инфинитив в русском языке

I. Рассмотрим в данной главе явление, довольно широко распространенное в русском языке – приобъектный инфинитив. Данный термин нам кажется наиболее оптимальным, так как отражает строгую синтаксическую позицию инфинитива в данной структуре. Термин предложен Белошапковой В. А. по аналогии с такими терминами, как «прикомпаративный», «присубъектный», что отражает зависимость обозначаемого элемента соответственно от компаратива, субъекта. Золотова Г. А. использует термин «объектный инфинитив» (Золотова Г. А. 2001), Тимофеевым К. А. данное явление названо как «объективный инфинитив», менее удачные варианты, так как неясно, отражает ли они семантическое наполнение конструкции или синтаксическую позицию.

Однако у последнего автора дано определение этого явления; итак, приобъектный инфинитив – это «такой приглагольный инфинитив, который обозначает действие не субъекта господствующей глагольной формы, а ее дополнения (объекта)». (Тимофеев).

В сочетании с объективными инфинитивами могут употребляться только глаголы с определенной семантикой, имеющие (фактическое или потенциальное) дополнение в винительном или дательном падежах. См. примеры с винительным падежом: *Позвольте вас поблагодарить* от всей души!; *Прошу и меня извинить*, - - ответил иностранец, -- но это так; *Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам*; Так это ты *подговаривал народ разрушить* Ершалаимский храм?; Да, -- немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа, -- *попросил меня высказать* свой взгляд на государственную власть;

с дательным падежом: *Ему* прокуратор *приказал сдать* преступника начальнику тайной службы и при этом *передать* ему распоряжение прокуратора о том, чтобы Иешуа Га-Ноцри был отделен от других осужденных, а также о том,

чтобы команде тайной службы было под страхом тяжелой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы; Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе; Разрешите мне присесть?

Формальное различие между дополнением в винительном и дательном падеже заключается в том, что винительный подчиняется (управляется) только глаголом, а дательный же характеризуется двусторонним подчинением глаголу и инфинитиву, причем более сильным является его подчинение глагольной форме:

Я велел ← ему → приехать.

Отсюда вытекает и различие между ними: винительный падеж имеет только объектное значение (как субъект действия, обозначенного инфинитивом, он может рассматриваться лишь с логической точки зрения), дательный, напротив, отличается субъектно-объектным значением: это объект (дополнение) по отношению к глагольной форме – «велел ← ему» ..., но субъект по отношению к инфинитиву *ему → приходить*. Субъектное значение такого дательного особенно заметно при сравнении его со вторым дополнением в дательном падеже, стоящим при инфинитиве и имеющим только объектное значение, например:

Он посоветовал ← мне(s/o) → отнести ← ему(o) книгу;

он посоветовал мне(s/o) ему(o) отнести книгу.

В последнем случае намеренно поставлены рядом оба дательных падежа и можно заметить, что первая позиция формально выражает дополнение с объектно-субъектным значением, вторая позиция, напротив, связана только с объектным значением (ср: *он посоветовал мне(s/o) ему(o) дать книгу; он посоветовал ему(s/o) мне(o) дать книгу*).

II. Отношение действия, обозначенного инфинитивом, к субъекту.

Важнейшее отличие приобъектного инфинитива от присубъектного в том, что он не означает действия субъекта главной глагольной формы. Действие,

обозначенное приобъектным инфинитивом, должно совершиться в результате деятельности субъекта господствующего глагола, но не им самим, а другим лицом, имеющим в предложении объектно-субъектную форму дательного падежа (дополнения).

Сочетание приобъектного инфинитива с дательным падежом представляет некоторую аналогию отдельному предложению, учитывая которую приобъектный инфинитив может было бы назвать второстепенным сказуемым, используя в данном случае термин Потебни в более узком значении (присубъектный инфинитив в формальном и смысловом отношении образует более или менее целостное единство с главной глагольной формой (сказуемым), поэтому для него вряд ли подходит название «второстепенное сказуемое»).

Эта аналогия оправдывается некоторыми фактами современного языка и может, как нам кажется, объяснить кое-что из истории инфинитивных предложений в русском языке.

В тех случаях, когда ослабевает зависимость приобъектного инфинитива от господствующей глагольной формы (что имеет место при обособлении инфинитива), его грамматическое и смысловое значение делается более самостоятельным. Обособление приобъективного инфинитива выражается в некотором отрыве его от подчиняющей глагольной формы (внешне обозначено паузой).

Например: *Я советую: **вам ехать**, а ему остаться здесь.*

Обособленный приобъектный инфинитив обладает более полновесным значением с наличием некоторого оттенка долженствования и приобретает известное сходство с отдельным инфинитивным предложением.

Остановимся здесь на модальном значении приобъектного инфинитива.

Выше было отмечено, что лишь определенная лексическая группа глаголов может сочетаться с приобъектными инфинитивами. Попробуем представить разряды этих глаголов.

Глаголы, выражающие приказание, повеление: *велеть, приказывать, повелевать и т.д.*

*Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?; Штаны кому не полагаются, мессир, -- с большим достоинством отвечал кот, -- уж не **прикажете** ли вы мне надеть и сапоги?*

Глаголы, обозначающие принуждение: *обязывать, принуждать, заставлять и т.п.:*

*...Не могу **заставить** штабс-капитана рассказывать (Лермонтов, «Бэла»); И, странное дело: такому деловому человеку, как финдиректор, проще всего, конечно, было позвонить туда, куда отправился Варенуха, и узнать, что с тем стряслось, а между тем он до десяти часов вечера не мог **принудить** себя сделать это; Венчающая список надпись "Дом драматурга и литератора" **заставила** Маргариту испустить хищный задушенный вопль.*

Глаголы, обозначающие побуждение: *побуждать, уговаривать, убеждать: (Бэла) уговаривала его идти спать. (Лермонтов, «Бэла»); Так это ты **подговаривал** народ разрушить Еришалаимский храм?; **Предлагаю** вам молчать, глазами не шарить, лучше всего глядите на свои ботинки. (А. Н. Толстой); Так ты утверждаешь, что не **призывал** разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм?*

Глаголы, обозначающие просьбу, мольбу, совет: *просить, молить и т.п.: Печорин... **просил** меня отвечать ей; Напрасно **упрашивал** его Азамат согласиться (Лермонтов, «Бэла»); Я **умоляю** вас не прерывать партии; Драгоценная королева, -- пищал Коровьев, -- я никому **не рекомендую** встретиться с ним, даже если у него и не будет никакого револьвера в руках!; Я **советовал** бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе; **Позвольте** вас поблагодарить от всей души! **Прошу** и меня извинить, -- ответил иностранец, -- но это так.*

Глаголы, обозначающие запрет, запрещение совершать определенные действия: *...отчего же **запретить** тебе платить мне взаимностью (Лермонтов, «Бэла»); В течение трех суток она предоставлена самой себе, никто не **помешает** ей думать о чем угодно, мечтать о том, что ей нравится.*

Из этого перечня мы можем сделать заключение, что глаголы, сочетающиеся с приобъектным инфинитивом, обозначают ту или иную форму воздействия со стороны субъекта господствующего глагола на волю того лица, которое по отношению к сказуемому является дополнением, а по отношению к инфинитиву (второстепенному сказуемому) – субъектом.

Иначе говоря, главный субъект усилением своей воли как бы обуславливает действие второстепенного субъекта, каузирует это действие.

Последний должен, подчиняясь этому воздействию, совершить то действие, которое обозначено инфинитивом.

Поэтому с модальной стороны мы могли бы определить сочетание приобъектного инфинитива с подчиняющей его глагольной формой как выражающее в большинстве случаев каузирующее долженствование, необходимость в широком смысле.

Интересно, что среди различных случаев употребления приобъектного инфинитива наиболее часты случаи его сочетания с глаголами, выражающими это воздействие в наиболее интенсивной форме – форме приказа, повеления.

Так, в своей работе К. А. Тимофеев указывает, что из 15 случаев приобъектного инфинитива в повести М. Ю. Лермонтова «Бэла» в 8 примерах господствующим глаголом выражается приказание, повеление.

Модальность сочетания подчиняющего глагола с приобъектным инфинитивом, так же как и в сочетаниях с присубъектными инфинитивами, определяется лексическим значением сочетающихся с инфинитивом глаголов, но в отличие от последних (сочетаний с присубъектными инфинитивами), характеризуется известной общностью выражаемых значений.

III.2. Приобъектный инфинитив в чешском языке

В чешском языке приобъектный инфинитив не менее распространенное явление, чем в русском. Однако он имеет свои особенности.

М. Грепл и П. Карлик представляют данную конструкцию как конкурирующую с полными объектными предложениями (сложноподчиненными), образованную вследствие номинализации сказуемого

этих предложений: «Je-li v předmětové pozici umístěn situační aktant, má předmětový výraz primárně podobu **vedlejší věty se spojkou** (např. *že, zda, -li, aby, když, kdyby...*), nebo s **příslovcem** (např. *kde, kdy, kolik, jak...*): *Řekl (sdělil, přiznal se, navrhl, slíbil...) mi, že dopis pošle doporučeně; Ptal se (zjišťoval, zkoumal, vyzvídal...), jestli jsem tam byl taky // kdo tam byl; Poručil (nařídil, dovolil, umožnil...) mi, abych šel k holiči*. Nazývají se **kompletivní věty předmětné**. Valencí vyžadovaná pádová forma předmětové pozice může být vyjádřena pádovým ukazatelem, tj. výrazem *to* v příslušném pádě.

Předmětné kompletivní věty mohou být často nahrazeny konstrukcí, jejímž jádrem je **infinitiv**. Jsou výsledkem nominalizace přísudkového výrazu předmětné věty». (Daneš, Hlavsa, 1981).

Инфинитивизация возможна в предложениях с темпорально ориентированными предикатами. Предложения с приобъектным инфинитивом называют данные авторы гетероактантными: «e.g. *Lékař mi doporučil, abych (já) bral denně jeden aspirin // Lékař mi doporučil brát denně jeden aspirin*. Tento předmětový **aktivní infinitiv** je vždy **heteroaktantový**. Konkurují mu vedlejší věty se spojkou *aby*».

В чешских приобъектных конструкциях падежная форма объекта связана с модальным компонентом значения конструкции: «Běžný je – vedle předmětné věty – u predikátorů s významem rozkazu, rady, dovolení, které vyžadují druhý předmět s formou Dat: *Uložil (přikázal, poradil..., dovolil, umožnil...) mi, abych napsal ten dopis červenou tužkou // napsat ten dopis červenou tužkou; Poručím ti, abys zavřel to okno // zavřít to okno*. Naproti tomu u predikátorů s významem žádosti, prosby, nucení, které vyžadují druhý předmět s formou Ak, je běžnější předmětná věta než infinitivní konstrukce: *Žádal (nutil, přemlouvil, prosil...) ho, aby podal odvolání // podat odvolání; Přál bych si, abych vyhrál ve Sportce // vyhrát ve Sportce*».

Существует несколько глаголов с особой семантикой, употребляемые только с полнозначными глаголами в различных предикатных конструкциях, в том числе в конструкции приобъектного инфинитива. Это предложения типа *Já ti dám, abys nechodil do školy! // Já ti dám nechodit do školy!* « Je dána sémantickým

posunem, oslabováním, až zánikem významové (významově-obsahové) stránky hlavních vět. Predikáty v hlavní větě jsou lexikálně omezené a významově značně oslabené (vágní): *Já ti dám, ukážu, naučím...*; tíhnou proto k frazeologizaci, přesněji řečeno k partikulizaci. O tom svědčí to, že jsou navzájem zaměnitelné nebo nahraditelné „skutečnou“ částicí (*Běda ti nechodit do školy!*), ale třeba i to, že např. výpověď *Já tě naučím neučit se!* není nesmyslná. Tyto útvary jsou v češtině poměrně jednoznačně vyhraněné pro indikování VÝHRŮŽKY. Důležité je všimnout si i toho, že v těchto výpovědních útvarech je vyjádření zájmenného subjektu *já obligátní*, neboli že představuje jejich pevný (nevynechatelný) konstitutivní element...».

Глаголы *dát si (něco) udělat, nechat si (něco) udělat* используют сходные по форме, но отличные по семантической наполненности конструкции. Как указывает А. Г. Широкова (Широкова, 1988: 418-420), они могут обозначать:

А) желание, приказ или просьбу что-либо сделать:

Dala jsem si ušít šaty.	Я заказала себе платье (у портнихи).
Dal si ho zavolat k telefonu.	Они попросили позвать его к телефону.
Dala si vytrhnout zub.	Ей вырвали зуб.
Nechal si přinést všechny dokumenty.	Он приказал принести ему все документы.

Б) разрешение что-либо сделать (позволить что-либо сделать):

Dal jsem si říci.	Меня уговорили. (<i>Им удалось меня уговорить.</i>)
Nechal si narůst vousy.	Он отпустил себе бороду.
Nenechal si nadávat.	Он не разрешил себя ругать.

Примечание: Глаголы *nechat si, dát si (něco) udělat* выступают в подобных конструкциях с ослабленным лексическим значением. Ср.:

Dál si líbit: To si dám líbit. Это мне по душе.

Dát se vidět: Ti se dali vidět. Они показали себя.

Параллельно употребляющиеся конструкции *dát* + инфинитив возвратного глагола выражают примерно те же значения. Ср.:

Dal jsem se ostříhat.	Я постригся (у парикмахера).
Dali jsme se přesvědčit.	Мы уступили. (<i>Они нас убедили.</i>)
Dal se zlákat.	Его соблазнили.
Nedal se přemluvit.	Его не уговорили.
Nechal se přesvědčit.	Его убедили.

Кроме того, в чешском языке употребляется инфинитив в сочетании с глаголами восприятия: (u)vidět, (u)slyšet, spatřit, cítit и др. Например:

Viděl jsem Petra odcházet. Я видел, как Петр уходил.
 Nikdy jsem neviděl Pavla kouřit. Я никогда не видел, чтобы Павел курил.
 Slyšel jsem Věru o tom mluvit. Я слышал, как Вера говорила об этом.
 Neslyšela jsem ještě Zdenu zpívat. Я еще не слышала, как Здена поет.

Нередко, однако, в чешском языке, как и в русском, в подобных случаях возможно употребление и придаточного предложения типа: Viděl jsem Zdenu, jak odchází.

Данная структура в чешском языке имеет латинские корни. Как указывается, «...модальность инфинитива в латинском... зависит от характера управляющего глагола; при глаголах «видеть, слышать» как активные, так и пассивные инфинитивы обозначают реальное время, а при глаголах «желать, приказывать» - модальное, вне зависимости от залога» (Красухин, 2004:306); «...активный глагол управляет оборотом *accusativus cum infinitivo*: лат *audio puellam cantare* 'я слышу (вижу), что девочка поет'...» (Красухин, 2004:315). Причем заимствование произошло посредством немецкого языка: «*Accusativus cum infinitivo* в древнегреческом, латинском, немецком управляется либо глаголами ощущения («видеть, слышать, чувствовать»), либо информационными и директивными («говорить, сообщать, приказывать»).'» (Красухин, 2004:317).

Отсутствие подобного соседства объясняет невозможность данной структуры в русском языке.

III.3. Сопоставление чешских и русских конструкций с приобъектным инфинитивом

В большинстве случаев после глаголов, выражающих просьбу, желание и др., а также в придаточных цели русскому инфинитиву в чешском языке соответствуют предложения с союзом **aby** (kondicionál). Ср.:

Она попросила его выйти. Požádala ho, aby šel ven.

Он навел на него, чтобы договориться с ним об этом деле. Navštívil ho, aby se s ním domluvil o té věci.

На этом основан наш тезис, выдвинутый перед экспериментом. Чаще всего в чешском языке управляющие глаголы с модальным каузирующим компонентом требуют «развернутого» выражения пропозиции – придаточного предложения. Был составлен приблизительный список таких глаголов и их перевод на чешский язык: *велеть* – *nařizovat*; *поручить* – *úložit, přikázat, aby*; *приказывать* – *přikazovat, aby*; *требовать* – *požadovat, aby*; *побуждать* – *podněcovat, nabádat, vybízet*; *угovarивать (подговаривать, отговаривать)* – *přemlouvav (navádět, vyzývat, rozmlouvav), aby*; *убеждать* – *přemlouvav*; *предлагать* – *žádat, vybízet*; *помогать* – *pomáhat*; *приглашать* – *vyzývat, nabízet*; *просить (упрашивать)* – *prosit, aby*; *молить* – *prosit*; *советовать* – *radit, aby*; *рекомендовать* – *doporučovat, představovat*; *позволять* – *dovolovat, aby*; *разрешать* – *dovolovat, povolovat, aby*; *запретить* – *zakázat, zapovědět*; *препятствовать* – *bránit, zabraňovat, překážet*; *мешать* – *bránit, pžekážet*.

Результаты.

Было проведено анкетирование среди студентов-русистов Философского факультета Карлова университета в Праге. Носителям чешского языка предлагались для перевода чешские конструкции типа **kompletivní věty předmětné**, переводимые на русский язык конструкцией с приобъектным инфинитивом. В качестве примеров были использованы цитаты из произведения М. А. Булгакова

«Мастер и Маргарита» и его перевода на чешский язык Аленой Моравковой, а также некоторые типовые предложения. Выдвинут тезис: проявляется интерференция на синтаксическом уровне, при которой из родного языка в иностранный (русский язык) переносятся синтаксические конструкции в тех условиях (глаголы, глагольный вид, время, падеж субъекта ситуации и т.д.), в которых они употребляются в родном языке.

Были получены следующие результаты. Предложение *Požádala ho, aby šel ven* (Она попросила его выйти) было переведено семью носителями чешского языка из 16 опрошенных с помощью сложноподчиненного предложения (типа *Она попросила его, чтобы он вышел*). Предложение *Navštívil ho, aby se s ním domluvil o té věci* (Он навестил его, чтобы договориться с ним об этом деле), не имеющее в русском языке варианта с приобъектным инфинитивом в простом предложении, но переводимое как сложноподчиненное с придаточным инфинитивным, было переведено пятью из 16 опрошенных с помощью сложноподчиненного предложения без инфинитива (типа *Он его посетил, чтобы он с ним договорился...*), 11 из 16 опрошенных использовали вариант, близкий к русскому исходному предложению. Следующее предложение *Dovolte, abych vám z celého srdce poděkoval!* (Позвольте вас поблагодарить от всей души!) 13 опрошенных перевели с помощью конструкции с приобъектным инфинитивом. Предложение *To ty jsi vyzýval lid, aby zbořil chrám?* (Так это ты подговаривал народ разрушить храм?) 6 из 16 опрошенных перевели как сложноподчиненное предложение (есть два варианта перевода с помощью двух придаточных – *Это был ты, кто..., чтобы они...*), еще 5 вариантов перевода с помощью придаточного инфинитивного предложения в составе сложноподчиненного, двое респондентов не дали вариантов перевода. Перевод данного предложения при помощи сложноподчиненного с двумя придаточными указывает на то, что в данном случае оказываются свернутыми три пропозиции: вопросительная конструкция - уточнение (*Это был ты?*), действие модального субъекта (*ты подговаривал народ*) и цель его действия – предполагаемое действие пропозитивного субъекта (*чтобы они разрушили храм*). В случае с предложением *Přikázal tajemníkovi, aby pozval do paláce předsedu* (Он приказал секретарю пригласить президента) трое анкетированных не предложили

вариантов перевода, шестеро перевели с помощью конструкции, аналогичной чешской (*Он приказал секретарю, чтобы он пригласил...*), два варианта с инфинитивом в сложном предложении (*Он приказал секретарю, чтобы пригласить...*). Два следующих предложения представляют конструкцию с приобъектным инфинитивом при глаголах восприятия, распространенную только в чешском языке. Эти предложения были переведены с помощью аналогичной конструкции *Nikdy jsem neviděl Pavla kouřit* (*Я никогда не видел, чтобы Павел курил*) 15 участниками анкетирования из 16, *Slyšel jsem Věru o tom mluvit* (*Я слышал, как Вера говорила об этом*) – 13 из 16. Возможно, это небольшое расхождение в переводе аналогичных предложений разными конструкциями объясняется большей распространенностью последнего предложения. Предложение *Dovolíte, abych si přisedl?* (*Разрешите мне присесть?*) было переведено с помощью максимального количества конструкций, был предложен лишь один перевод с помощью неприемлимой в данном примере для русского языка конструкции (*Позвольте, чтобы...*). Данная формула вежливости имеет множество вариантов как с использованием инфинитива, так и без него, она частотна в употреблении, потому результат анкетирования относительно этого предложения неудивителен.

Таким образом, мы получили наглядное подтверждение того, насколько сложно распознать случаи употребления конструкции с приобъектным инфинитивом в чешском и русском языках. Как мы видим, во многих случаях в русском языке невозможно употребление наряду с конструкцией с приобъектным инфинитивом сложноподчиненных предложений (*Позвольте вас поблагодарить от всей души!* - * *Позвольте, чтобы я поблагодарил...*; *Так это ты подговаривал народ разрушить храм?* - * *Так это ты подговаривал народ, чтобы разрушить / разрушили храм?*; *Он приказал секретарю пригласить президента* - * *Он приказал секретарю, чтобы ...*). В предложении *Он навестил его, чтобы договориться с ним об этом деле* присубъектный инфинитив исключает возникающее в сложном предложении повторение совпадающих субъектов обеих ситуаций. Именно это предложение было переведено на русский язык с помощью оптимальной конструкции большинством респондентов. Можно также отметить, что в случаях

перевода данного предложения без употребления инфинитива (*kompletivní věty předmětné*) анкетированные вставляли в обе части сложного предложения наименование обоих субъектов (**Он навещил его, чтобы он договорился с ним об этом деле*), в то время как в других предложениях наоборот, опускали наименование субъекта пропозиции в придаточном предложении (**Он приказал секретарю, чтобы пригласил во дворец президента; *Так это ты подговаривал народ, чтобы разрушил храм?*). Вероятно, это связано с принятым в чешском языке опущением подлежащего, если он выражен личным местоимением. В том же предложении, где оба субъекта выражены личным местоимением «он», может возникнуть путаница, и респонденты восстановили наименования обоих субъектов.

Таким образом, эксперимент показал, что большинство респондентов предпочитают использовать привычную для родного языка структуру сложного предложения, иногда применяя также сложное предложение с инфинитивным придаточным. Исключение составляют часто употребляемые формулы вежливости (*Позвольте вас поблагодарить; Разрешите мне присесть?*). Кроме того прослежено систематическое употребление приобъектного инфинитива с глаголами восприятия в русском языке.

Заключение

В современном языкознании предложение изучается как со стороны формальной организации, так и со стороны его смысловой наполненности. Содержание предложения составляют диктум (объективное) и модус (выражение позиции мыслящего субъекта по отношению к объективному). Понятие пропозиции является ключевым в изучении инфинитивных конструкций. Механизм «свертывания» пропозиций (двух и даже более) – особенность использования отглагольного имени. К этому механизму привязано выражение модальных смыслов.

Инфинитив как отглагольная форма с отсутствием личных форм, что дает возможность для выражения значения неопределенности и обобщенности. Широкое употребление инфинитивных конструкций в русском языке указывает на склонность языка к неопределенности номинализации. Особенно это заметно в сравнении с чешским языком. Строгая структура предложения с обязательным предикативным элементом не позволяет имплицитное выражение действия и субъекта действия, и, как следствие, языковая тенденция к «определенности».

Схемы блока двукомпонентных инфинитивных предложений обнаруживают специализацию в выражении не-пропозитивного элемента семантики, а именно а) кругом оценочных и модальных значений и б) способом создания оценочного значения.

Схему Inf Adj f отличают широчайшие семантические возможности и соответственно – самый высокий показатель продуктивности, который должен быть определен как число, близкое к 300. Особенностью схемы является выражение односубъектной волюнтативной модальности (интенции) с эмоциональным основанием, часто осложненное компонентами «деагенсивность» и «некатегоричность желания», выражаемое с помощью почти десятка прилагательных типа *интересно, увлекательно, занятно: Я не верю, что неинтересно читать вещи без головоломного сюжета* (Олеша. Литературная хроника); выражение значения градуальной возможности при помощи около десятка прилагательных, самые частотные из которых *легко, трудно, просто,*

тяжело (и их отрицательные дериваты). ср. *Говорить ему было трудно* (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Схема Inf Adj / N2... – наименее продуктивна из всех схем блока, продуктивность ее может быть определена цифрой порядка трех – четырех десятков словоформ. Схема выражает узкий круг модальных оценочных значений: необходимость, возможность/невозможность и тесно связанные с этими значениями общенормальные оценки. Однако особенности схемы, ее характеристические признаки составляют не набор значений, а характер их представления, а именно – актуализированность признака основание.

Особенностью схемы Inf N1 является наличие в схемной семантике логической пропозиции. Схема Inf N1 выражает оценочность через посредство логической операции, состоящей в установлении отношений между оцениваемой пропозицией и понятием, называемым существительным. Предложения, построенные по схеме Inf N1, могут выражать и только логическое, квалификативное значение. В таких случаях, во-первых, существительное выступает в своем прямом значении; во-вторых, не имеет при себе присловных распространителей оценочной семантики; в-третьих, обнаруживается включение связочных средств типа *состоять, заключаться в том, чтобы*, эксплицитно выражающих собственно логические отношения. Яркий пример такого рода представляет собой такое, например, предложение: *Вадим уехал на фронт. Настала весна. Вся моя жизнь была – ждать его* (А. Толстой. Хождение по мукам). (ср.: ... моя жизнь заключалась / состояла в том, чтобы ждать его...).

Оценочность в схеме Inf Inf выражается не специальным показателем (которые можно было бы выяснить и подсчитать), а самим наименованием пропозиции с помощью инфинитива.

В русском языке конструкция с приобъектным инфинитивом является достаточно частотной. Она выражает «свернутую» полипропозитивность с обязательным модальным каузирующим компонентом значения. Чешский язык же чаще всего использует для выражения данного содержания «развернутую»

структуру сложноподчиненного предложения. В то же время в чешском языке присутствует конструкция приобъектного инфинитива с глаголами восприятия, пришедшая из латинского языка посредством немецкого. Русский язык в данном случае предлагает лишь структуру сложного предложения. Ввиду этих особенностей языков нередко возможна интерференция – перенос условий использования структуры с приобъектным инфинитивом родного языка в неродной.

Приложение

Примеры управляющих глаголов конструкции приобъектного инфинитива и их эквиваленты в чешском языке. Источник: Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита», перевод на чешский язык А. Моравковой.

Значение приказа, повеления

Ему прокуратор **приказал** сдать преступника начальнику тайной службы и при этом передать ему распоряжение прокуратора о том, чтобы Иешуа Га-Ноцри был отделен от других осужденных, а также о том, чтобы команде тайной службы было под страхом тяжкой кары запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы.

Vladař mu poručil, aby předal viníka veliteli tajné služby a zároveň mu tlumočil prokurátorův příkaz, aby Ješua Ha-Nocri byl držen odděleně od ostatních odsouzců. Vojákům tajné služby bylo pod hrozbou nejvyššího trestu zakázáno s Ješouou mluvit a odpovídat na jeho otázky.

Когда легат покинул балкон, прокуратор **приказал** секретарю пригласить президента Синедриона, двух членов его и начальника храмовой стражи Ершалаима во дворец, но при этом добавил, что просит устроить так, чтобы до совещания со всеми этими людьми он мог говорить с президентом раньше и наедине.

Sotva legát opustil kolonádu, prokurátor přikázal tajemníkovi, aby pozval do paláce předsedu a dva členy Synedria, a dále velitele jeruzalémské chrámové stráže. Zároveň si vyžádal, aby ještě před společnou poradou mohl mluvit s předsedou Synedria o samotě.

Не прикажете ли, я **велю** сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?
Jestli si přejete, dám okamžitě poslat telegram vašemu strýci do Kyjeva!

Жилец **приказал** Анфисе, преданной и давней домашней работнице Анны Францевны, сказать, в случае если ему будут звонить, что он вернется через десять минут, и ушел вместе с корректным милиционером в белых перчатках.

Podnájemník nařídil Anfise, oddané a dlouholeté služebné Anny Francevny, aby každému, kdo bude volat, řekla, že se vrátí za deset minut, a odešel s korektním milicionářem v bílých rukavicích.

Штаны коту не полагаются, мессир, -- с большим достоинством отвечал кот, -- уж не **прикажете** ли вы мне надеть и сапоги?

Nehodí se, aby kocour nosil kalhoty, pane, vysvětloval důstojně kocour. Nakonec mi ještě poručíte, abych si natáhl boty, ne?

Я пошутил, -- со смирением сказал кот, -- а что касается тигров, то я **велю** их зажарить.

Žertoval jsem, řekl zkroušeně kocour, a pokud jde o tygry, poručím, aby je upekli na rožni.

Значение принуждения

И, странное дело: такому деловому человеку, как финдиректор, проще всего, конечно, было позвонить туда, куда отправился Варенуха, и узнать, что с тем стряслось, а между тем он до десяти часов вечера не мог **принудить** себя сделать это.

Divná věc: pro tak energického člověka jako Rimský bylo ze všeho nejjednodušší zavolat na příslušná místa, kam odešel Varenucha, a vypátrat, co se s ním stalo. A přece nebyl do deseti hodin večer s to se k něčemu podobnému odhodlat.

Венчающая список надпись "Дом драматурга и литератора" **заставила** Маргариту испустить хищный задущенный вопль.

Seznam byl důstojně korunován nápisem Domov literátů. To způsobilo, že Markéta přidušeně, pomstychtivě vykřikla.

О, зачем же, это неудобно, -- мигом соорудил из двух сучков какой-то подозрительный телефон и **потребовал** у кого-то сию же минуту прислать машину, что и исполнилось, действительно, в одну минуту.

Jakže, to se nehodí! V okamžiku vyrobil ze dvou dřívěk pochybný telefon a žádal kohosi, aby neprodleně poslal vůz. To se taky stalo.

Значение побуждения

Разрешите мне присесть?

Mohu si přisednout?

Позвольте вас поблагодарить от всей души!

Dovolte, abych vám z celého srdce poděkoval!

Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?

Smím se vás zeptat, jak člověk může něco spravovat, jestliže je zbaven možnosti sestavit plán dokonce i na tak směšně krátkou dobu, jako je například tisíc let, a dokonce vám nemůže ani spolehlivě říct, co se s ním stane druhý den?

Так это ты **подговаривал** народ разрушить Ершалаимский храм?

"To ty jsi vyzýval lid, aby zbořil jeruzalémský chrám?"

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он **позволил** себе поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор.

Nikdo nevěděl, co se děje se správcem Judeje. Odvážil se dokonce vztáhnout ruku, zdánlivě jako by se chránil před sluncem, a za ní jako za ochranným štítem vyslal k Ješuoovi významný pohled.

Кто-то козлоногий подлетел и припал к руке, раскинул на траве шелк, осведомляясь о том, хорошо ли купалась королева, **предложил** прилечь и отдохнуть.

К Markétě přiskočil jakýsi kozonoh a sápal se jí po ruce. Pak rozprostřel na trávě hedvábnou roušku, vyptával se, jestli se královna dobře vykoukala, a navrhoval, aby si chvíli lehla a odpočinula.

Разрешите мне представиться вам, -- заскрипел Коровьев, -- Коровьев.
Dovolte, abych se představil, zaskřípal, jmenuji se Korovjev.

И вообще я **позволю** себе смелость посоветовать вам, Маргарита Николаевна, никогда и ничего не бояться.

A vůbec, jestli vám smím radit, nikdy se něčeho nebojte.

Разрешите, королева, вам дать последний совет.
Královno, jestli dovolíte, dám vám ještě jednu dobrou radu

Если ты, сволочь, еще раз **позволишь** себе впутаться в разговор...
Ty se opovažuješ skákat druhému do řeči...

Позвольте мне с ним пошептаться?
Směla bych mu něco pošeptat?

Значение просьбы, мольбы, совета

Прошу и меня извинить, -- ответил иностранец, -- но это так.
«Já rovněž prosím za odpuštění,» omlouval se cizinec, «ale už je to tak.»

Я **советовал** бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе.

Jestli ti smím radit, vladaři, měl bys na čas opustit palác a vyjít si do okolí, třeba do zahrad na hoře Olivetské.

Да, -- немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа, -- **попросил** меня высказать свой взгляд на государственную власть.

Ano," divil se poněkud prokurátorově informovanosti Ješua a pokračoval. "Nakonec mě požádal, abych vyslovil svůj názor na světskou moc. Tahle otázka ho neobvyklejně zajímala."

Для этой же цели, то есть для охраны Горы, прокуратор **попросил** легата отправить вспомогательный кавалерийский полк -- сирийскую алу.

Za stejným účelem bude na Golgotu vyslán pomocný jezdecký pluk, syrská ala, aby posílil ochranu.

В силу всего изложенного прокуратор **просит** первосвященника пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден, а таким, без сомнения, является Га-Ноцри.

Vzhledem k tomu, co bylo řečeno, prosí prokurátor velekněze, aby přezkoumal své rozhodnutí a na svobodě ponechal ze dvou viníků toho, kdo je neškodnější – a to je bezpochyby Ha-Nocri.

Они не понимают! -- ввязался со скамейки регент, хотя его никто и не **просил** объяснять слова иностранца

On prosím neráčí rozumět, vmísil se do toho z lavičky regenschori, ačkoli se ho nikdo neprosil o vysvětlení.

Однажды в выходной день явился в квартиру милиционер, вызвал в переднюю второго жильца (фамилия которого утратилась) и сказал, что того **просят** на минутку зайти в отделение милиции в чем-то расписаться.

Jednoho svátečního dne se objevil v bytě milicionář, vyvolal do předsíně druhého nájemníka (jeho jméno se mi vytratilo z paměti) a prohlásil, že se má dostavit na milici, aby něco podepsal, a že to nebude dlouho trvat.

Незнакомец **не дал** Степиному изумлению развиться до степени болезненной и ловко налил ему полстопки водки.

Host nepřipustil, aby se St'opovo překvapení nepřijemně rozrostlo, a obratně mu nalil půl sklenice vodky.

Да я и **не советовал** бы вам ложиться в клинику, -- продолжал артист, -- какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных.

Neradím vám, abyste si šel lehnout na kliniku, - pokračoval cizí umělec. Má to smysl umírat v nemocničním pokoji za sténání a chroptění nevyléčitelných pacientů?

Сказав Наташе, что она тоже хочет показать фокус, Маргарита Николаевна подарила ей чулки и склянку и сказала, что **просит** ее только об одном -- не бегать в одних чулках по Тверской и не слушать Дарью.

Sdělila Nataše, že jí chce taky předvést kouzlo, a darovala jí punčochy i kolínskou pod podmínkou, že nebude běhat v punčochách po Tverské a poslouchat Darju.

Tot žestom **пригласил** Маргариту сесть на щетку, сам вскочил на длинную рапиру, оба взвились и никем не замеченные через несколько секунд высадились около дома N 302-бис на Садовой улице.

Posuňkem vyběhl Markétu, aby nasedla na svého oře, sám osedlal dlouhý rapír, oba se vznesli do vzduchu a nepozorování přistáli před domem číslo 302b v Sadové ulici.

Маг, регент, чародей, переводчик или черт его знает кто на самом деле -- словом, Коровьев -- раскланялся и, широко проведя лампадой по воздуху, **пригласил** Маргариту следовать за ним.

Mág, regenschori, kouzelník, tlumočník a kdoví, čím vlastně ve skutečnosti byl, zkrátka Korovjev, se ukláněl, široce mával svítilnou a pobízel Markétku, aby ho následovala.

Возле какого-то диванчика Коровьев остановился, поставил свою лампадку на какую-то тумбу, жестом **предложил** Маргарите сесть, а сам поместился подле в живописной позе – облокотившись на тумбу.

Korovjev se pozastavil u kanapíčka, postavil svítilnu na nejbližší stojan, pokynul Markétě, aby se posadila, a sám zaujal malebnou pózu vedle, lokty opřené o stojan.

Я **умоляю** вас не прерывать партии.
Snažně vás prosím, dohrajte tu partii.

Драгоценная королева, -- пищал Коровьев, -- я никому **не рекомендую** встретиться с ним, даже если у него и не будет никакого револьвера в руках!

Drahá královno, pištěl Korovjev, já bych to nikomu neradil, ani kdyby tenhle neměl v ruce vůbec nic!

Прошу вас опять вернуть нас в подвал в переулке на Арбате, и чтобы лампа загорелась, и чтобы все стало, как было.

Prosím, učíň, abychom se mohli vrátit do uličky na Arbatu k rozzářené lampě a aby věcko bylo jako dřív.

Значение запрещения действия

В течение трех суток она предоставлена самой себе, никто **не помешает** ей думать о чем угодно, мечтать о том, что ей нравится.

Po celou tu dobu je ponechána sama sobě a nikdo jí nebrání, aby přemýšlela a snila, o čem se jí zlíbí.

Значение совместного выполнения действия

Осведомившись о том, где Наташа, она получила ответ, что Наташа уже выкупалась и полетела на своем борове вперед, в Москву, чтобы предупредить о том, что Маргарита скоро будет, и **помочь** приготовить для нее наряд.

Vyzvídala, kde je Nataša, a dostalo se jí odpovědi, že ta už se vykoukala a letěla na svém čuníkovi napřed do Moskvy, aby ohlásila, že Markéta se brzy dostaví, a pomohla pro ní připravit úbor.

Коровьев и Бегемот **помогли** Тофани подняться.
Korovjev a Kňour jí pomohli vstát.

Маргарита не помнила, кто **помог** ей подняться на возвышение, появившееся посередине этого свободного пространства зала.

Markéta už si nevzpomíná, kdo jí pomohl vystoupit na pódium, které se náhle objevilo uprostřed parketu.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва 1976
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва 1955
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. В кн. Виноградов В. В. Избранные работы. Исследования по русской грамматике. Москва 1975
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва 1972
5. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка (синтаксис). Москва 1986
6. Галкина-Федорук Е. А. Безличные предложения в современном русском языке. Москва 1958
7. «Грамматика современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой Москва 1970
8. «Грамматика современного русского литературного языка» под ред. В. А. Белошапковой. Москва 1980
9. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва 2001
10. Золотова Г. А. О дистриктивных значениях синонимических конструкций. В *Revue des études slaves*. Paris 1987 59/3
11. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Москва 1973
12. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Москва 2001
13. Красухин К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции. Акцентология. Морфология. Синтаксис. Москва 2004
14. Крылов С. А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении. В кн. Типологические обоснования в грамматике – к 70-летию профессора Храковского. Москва 2004
15. Лекант П. А. Современный русский язык. Москва 2000

16. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж 1977
17. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. 4 т. Вена 1997-2000
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва 1956
19. Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке.
20. Филипповская И. А. Модальность предложения. Душанбе 1978
21. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Москва 2001
22. Чешско-русский словарь под ред. Л. В. Копецкого. Москва-Прага 1976
23. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Москва 2000
24. Шмелева Т. В. «Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных предложений в русском языке» Москва 1979
25. Широкова А. Г., Адамец П., Влчек Й., Роговская Е. Р. Чешский язык. Москва 1988
26. Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке. Москва 2005
27. Běličova H. Nástin porovnávací morfologie spisovných jazyků slovanských. Praha 1998
28. Běličova H., Uhlířová L. Slovanská věta. Praha 1996
29. Daneš F., Hlavsa Y. A kol. Větné vzorce v češtině. Praha 1981
30. Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Olomouc 1998
31. Grepl M. K podstatě modálnosti – Otázky slovanské syntaxe III. Brno 1973
32. Mluvnice češtiny. T. 3. Skladba. Praha 1987
33. Porák J. Vývoj infinitivních vět v češtině. Praha 1967
34. Wierzbicka A. Славянский Dativus cum infinitivo. – International journal of Slavic linguistics and Poetics, 1966

Использованные сайты:

<http://www.lib.ru/BULGAKOW/master.txt>

http://www.luzanky.cz/brnkadla/sklad/ke_stazeni/&Spol/Mistr%20a%20Marketka.pdf